

**Причины изменения структуры описей
Успенского Тихвинского монастыря XVII в.**

Описи монастырского имущества — один из видов хозяйственной учетной документации. В историографии было отмечено, что причиной постепенного введения в последней четверти XVI века описей как учетного документа было установление контроля со стороны светских властей за сохранностью принадлежащих монастырям ценностей. За XVII в. сохранилось 16 описей имущества Успенского Тихвинского монастыря. Они хранятся в Архиве СПБНИИ РАН (Ф. 132. Оп. 2). В первой половине XVII в. монастырь описывали по указу царя и боярскому наказу в присутствии представителей светских властей. Во второй половине XVII в. после вступления на Новгородскую кафедру митрополита Никона — будущего патриарха — это положение изменяется. Описания имущества стали проводиться по указу правящего архиерея — митрополита Новгородского и Великих Лук Никона, по наказу его дьяков в присутствии светских чиновников новгородского Софийского дома. В качестве приправочных материалов для контроля сохранности ценностей и составления новых описей обязательно использовались предыдущие. Как правило, структуру текстов описей оставляли без изменений, внося дополнительные записи о вновь изготовленных («построенных») предметах или сооружениях. Частичный отход от этого принципа в XVII в. произошел лишь дважды — в июне 1657 г. и в 1680 г. После изменения структуры описания возврата к прежней схеме не происходило. В 1657 г. опись имущества монастыря для передачи новому архимандриту Никону (ранее келарю) составлялась под руководством думного дворянина и воеводы Ивана Ивановича Баклановского, направленного в монастырь для организации обороны во время войны со Швецией. Отношения архимандрита Никона с И. И. Баклановским не сложились, по утверждению последнего архимандрит отказывался помогать ему в организации обороны.

Второй случай изменения структуры случился в 1680 г. Описание проводил по указу новгородского митрополита Корнилия игумен Зеленецкого монастыря Феодорит. Корнилий в 1665–1668 гг. был архимандритом Успенского Тихвинского монастыря, с 1668 г. игуменом Зеленецкого монастыря, куда и отправился на покой с новгородской кафедры. Вероятно, тесные связи с Зеленецким монастырем позволили включить его насельников в число доверенных лиц митрополита. Но действия игумена Феодорита при составлении описи вызывают вопросы. Он не только отчасти изменил структуру описи, но и привнес изменение, которое можно расценить как некоторое неуважение к традиции. Описание внутреннего убранства Успенского собора монастыря всегда начиналось с чудотворного образа Богоматери Одигитрии Тихвинской. Феодорит же сперва описал Царские врата, местные иконы и другие ряды иконостаса, затем иконы на южном столпе у иконостаса и только потом чудотворный образ у западных дверей. Можно предположить, что между старцами Успенского Тихвинского монастыря и Феодоритом возникло непонимание, например, из-за того, что обитель новому архимандриту приехал передавать игумен довольно бедного только еще восстанавливающегося монастыря, а не дьяк новгородского Софийского дома. На наш взгляд, процесс составления описей в целом имел консервативный характер. Изменения наступали только в результате неординарных событий.

Абросимова Тамара Александровна

«Спасательные станции» ученых в первые годы советской власти (1919-1921)

Изучение проблемы взаимоотношений власти и ученых в первые годы советской власти всегда вызывала научный интерес. В основном, в историографии затрагивались вопросы выживания ученых в неимоверно тяжелых, нечеловеческих условиях Гражданской войны и неприятия большинством из них победившей власти. В данном исследовании, освещаая

тяжелую реальность жизни людей науки, акцент будет сделан не на конфликте между властью и учеными, а на анализе их взаимодействия, неизбежных компромиссах между ними и попытках власти поддержать ученых всеми возможными способами.

В труднейшие годы советской власти особенно в сложном положении оказались ученые Петрограда. Им ежедневно приходилось решать проблему выживания. В городе не хватало продовольствия, население замерзало и не было дров чтобы топить буржуйки, практически отсутствовало электричество, страшные эпидемии, одежду и обувь купить было невозможно. Холодный вымирающий город. Мрут массой», – записала в дневнике зимой 1919 г. жительница Петрограда О.И. Вендрих. Для людей науки, менее всего способных адаптироваться к экстремальным условиям жизни, такая жизнь, по выражению П.А. Сорокина, была «медленной смертной казнью».

В первые послеоктябрьские годы ушли из жизни многие видные ученые, в их числе А.А. Шахматов, А.С. Лаппо–Данилевский П.С. Морозов, М.И. Туган–Барановский, Е.С. Федоров, В.В. Радлов и многие другие. В Петербурге от голода и холода умирало по одному ученому в день.

Власть не сразу отреагировала на бедственное положение учёных. Революция и гражданская война не лучшее время для науки. В стране не было ни сил, ни ресурсов, нужно было спасать население от голода. Но, понимая значимость науки и бедственное положение ученых, решение о выделении людям науки государственной помощи было принято.

23 декабря 1919г. СНК издает декрет «Об улучшении положения научных специалистов» Проводить декрет в жизнь была призвана созданная по инициативе А.М. Горького и по постановлению Исполкома Петроградского совета в январе 1920 года Комиссия по улучшению быта учёных. (ПетроКУБУ). Центром работы ПетроКУБУ стал Дом ученых, открывшийся в Петрограде в январе 1920 г. В нескольких комнатах Дома учёных разместился стационар, где жили обессиленные от голода ученые.

Герберт Уэлс, посетивший Россию и побывавший в Петрограде в 1920 г., характеризовал созданную комиссию как одну из «спасательных станций» для людей науки. ПетроКУБУ должна была заниматься снабжением петроградских ученых академическими пайками, предметами первой необходимости, оказывать финансовую помощь, в ее ведении находился жилищный вопрос, организация домов престарелых, домов отдыха. содействие в получении отечественной, зарубежной литературы и ряд других вопросов.

Главной заботой Комиссии было обеспечение ученых продуктами. Знаменитые «Ученые пайки» спасли от голодной смерти многих деятелей русской науки. ПетроКУБУ помогала наладить прерванную связь с зарубежным научным миром. Этому также способствовали и личные контакты ученых.

Важно отметить, что ПетроКУБУ много сил отдавала переговорам с властью, проявляя беспокойство о судьбе репрессированных ученых. Усилиями комиссии были спасены десятки жизней тех, кто составлял, по выражению Горького, "мозг народа", интеллектуальное богатство страны.

Андреева Татьяна Васильевна

Проекты административных реформ М.М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра I и Николая I

Первая половина XIX столетия в России прошла под знаком осуществленных или не состоявшихся преобразований в организации и функционировании государственной власти, постоянных поисков эффективного инструментария модернизации страны. Важнейшим из них определялось формирование единой и унифицированной административной системы Российской империи. Теоретико-концептуальная основа усовершенствования государственного строя России была разработана М.М. Сперанским, проекты которого, востребованные властью, определили правительственную преобразовательную политику двух царствований. Предмет

данного исследования – преемственные и отличительные черты официального реформаторства в сфере государственного управления в царствование Александра I и начале правления Николая I в контексте проективной деятельности М.М. Сперанского. Особое внимание в работе уделено определению причин актуализации преобразований в административном аппарате высшего, центрального и местного уровня в 1802 – 1830-х гг., выявлению сходства и различия «административной конструкции» Александра I и Николая I.

Установлено, что в целом историю реформ государственного управления александровского и николаевского царствований следует рассматривать как единый и целостный преобразовательный процесс, направленный на укрепление и усовершенствование российской государственности и отражавший поступательный характер развития страны. Хотя отсутствует официальный документ, который можно было бы считать долгосрочной правительственной реформаторской программой, но программные проекты и записки М.М. Сперанского на высочайшее имя 1803, 1809, 1826 гг., объединенные концептуальной установкой на системность и взаимосвязанность институциональных преобразований, их подчиненность законодательной реформе, свидетельствуют о наличии ее элементов.

При всех особенностях и отличительных чертах реформаторской тактики прослеживается безусловное сходство в преобразовательной политике Александра I и Николая I, основанной на принципах преемственности и постепенности преобразований, совершенствовании и дополнения существующих институтов власти. Нашедшие отражение в идеологической концепции деятельности Комитета 6 декабря 1826 года, разработанной М.М. Сперанским, они были направлены на создание устойчивой и рационализированной управленческой системы абсолютизма Нового времени. Административные преобразования двух эпох были тесно связаны с модернизацией социального строя России и являлись составной частью двух

моделей взаимоотношений власти и общества – александровской и николаевской.

Анисимов Евгений Викторович

Дело Ивана Цыклера (1697 г.): к вопросу об эффективности пытки

В записях «роспросов» указывалось, каким образом получена от подследственных информация. Если в «роспросе» было отмечено, что подследственный «в роспросе сказал...» или «в застенке говорил», то так, как правило, обозначался просто допрос, возможно на фоне подготовляемой пытки.

Если же эффект не был достигнут и подследственный отказался давать признательные показания («запирался»), тогда приступали к следующей стадии расследования. Это был «роспрос у пытки» или «роспрос у подъему», когда подследственного раздевали и ставили под дыбой, руки его вкладывали в хомут дыбы (обычно заведя руки за спину) и в этом положении допрашивали (запись «в роспросе»: «в застенке до подъему говорил»). Далее шли «градусы» — стадии ужесточения пытки: «подъем», когда подвешенного на дыбе человека палач начинал бить особым кнутом из свиной кожи, заточенной по краям. Число ударов кнута обязательно фиксировалось в протоколе. Последней стадией пытки было жжение огнем. В допросе записывалось «А с огня говорил».

В деле Цыклера я хотел проверить тезис об эффективности пыток в ходе следствия. Речь не идет о проблеме достоверности. Речь идет о поступлении информации в ходе следствия. Дело Цыклера компактное, допрошено было 19 человек, с которыми проведено 93 допроса, включая 17 сеансов пытки. Эти данные мне кажутся репрезентативными, позволяющими сделать некие обобщающие выводы. За единицу информации я взял содержательный текст (наличие имен, действий, топонимов) при допросах разными способами (как без пытки, так и с пыткой) и сопоставил с общим количеством знаков каждого допроса.

Получилось две таблички:

Число сеансов («ропросы» и пытки):

«Роспрос» и очные ставки 61 69,3%

«Роспрос у пытки» 3 3,4%

«Роспрос» с применением пыток 24 27,3%

Анализ полученной информации таков:

«Роспрос» и очная ставка 76% единиц информации

«Роспрос у пытки» (без применения спецсредств) , 2,3% единиц информации

«Роспрос «с подъема», «у подъема и с пытки», «с подъема и с пытки», «у пытки и с подъема», «у пытки и с пытки», «с огня», «огнем зжен», «с пытки» 10027 зн. 21,7%

Итак, анализ показывает, что с точки зрения получения информации больше всего следствие получало во время допросов («ропросов») и очных ставок без применения пыток. Более того, пытки не дают принципиально новой, более ценной информации, чем допросы, они служат, в основном, для подтверждения или опровержения уже полученной информации.

Асташкин Дмитрий Юрьевич

Австралийское восприятие блокады Ленинграда в 1941-1944 гг.

Об установлении дипломатических связей АС и СССР в 1942 году написан ряд работ австралийскими и российскими авторами, включая министра иностранных дел России. В период 1941-1944 годов австралийские политики широко использовали образ блокадного города в своей риторике, австралийская премьера “Седьмой симфонии” Шостаковича стала главным музыкальным событием страны 1943 года, ленинградская детская больница имени Раухфуса получала австралийскую помощь, а среди граждан Австралии есть и жители блокадного Ленинграда. Тем не менее, существует **научная проблема**: в мировой историографии до сих пор нет исследования по теме австралийского

восприятия блокады Ленинграда. Даже в коллективной монографии о двухвековых связях Петербурга и Австралии, изданной Комитетом по внешним связям Петербурга, никак не отражена тема блокады Ленинграда.

На протяжении 2023 года мы попытались хотя бы частично решить эту историографическую проблему. Для этого мы выявили ряд источников в Национальной библиотеке Австралии (NLA) и в Национальном архиве Австралии (NAA), а также материалы советской и британской прессы об австралийско-советских отношениях. В ходе их анализа мы выяснили, что освещение блокады Ленинграда являлось важной частью информационной кампании по созданию положительного образа СССР в Австралии, в которой участвовали не только австралийские власти и медиа, но и сам СССР. Австралийские газеты, журналы и радиостанции с сентября 1941 года по февраль 1944 года системно информировали аудиторию обо всех этапах Битвы за Ленинград и о сложностях выживания в условиях блокады (например, 21 ноября 1942 года британский моряк австралийского происхождения Лесли Крейн опубликовал свои личные впечатления от пребывания в блокадном Ленинграде).

Австралийская тройная (на национальном радио, концертное исполнение в Сиднее и в Мельбурне) премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича стала главным музыкальным событием страны 1943 года и привлекла дополнительное внимание к блокаде Ленинграда.

В целом, период Второй мировой войны стал пиком интереса к Ленинграду (в 1930-е годы он упоминался в австралийских газетах 12000 раз, в 1940-е годы число упоминаний выросло до 45000, но упало в 1950-х годах до 3000 раз).

С годами австралийское знание о Битве за Ленинград угасает, эта тема исчезает из дипломатической риторики, особенно на фоне кризиса отношений между странами. Возможно, знание о союзных отношениях в прошлом будет способствовать взаимопониманию в будущем.

Результатом нашего исследования стали две научных статьи (общим объемом 2 а.л.) и одна научно-популярная статья (0,1 а.л.)

Базарова Татьяна Анатольевна

Петровские переводчики и толмачи в Стамбуле: языки переговоров и подготовка специалистов

Послы Петра I как представители ведущих европейских держав при Высокой Порте владели итальянским или латынью. Знание главой дипломатической миссии османского (турецкого языков) было исключением из правил. В состав русских дипломатических миссий входили толмачи и переводчики, которые выполняли различные функции, поэтому разным были и языки, которыми они владели. Толмачи на разговорном уровне знали языки народов Османской империи и выполняли незначительные поручения. Переводчики владели греческим, латынью или итальянским. Во время переговоров они переводили устную речь, а также осуществляли письменный перевод.

На аудиенциях у султана и везира переговоры велись через двойной перевод. Речи на турецком языке переводчик Порты перелагал на итальянский или латынь (реже греческий), затем переводчик петровских дипломатов — на русский язык. В обратном направлении осуществлялся перевод ответных речей. Письменный перевод грамот и договоров занимал несколько. Грамоты султана или везира переводчики Порты переводили на латынь (или итальянский), потом переводчики русской миссии — на русский язык. Затем документы изучал посол и при необходимости вносил свою правку. Все изменения согласовывались с османской стороной. Только после этого документы переписывались набело.

Из-за отсутствия квалифицированных переводчиков с османского русские дипломаты не имели возможности оперативно узнавать содержание документов, написанных арабским алфавитом. Из-за невозможности сверить

написанное, в русском и турецком текстах Прутского договора (1711) оказались разночтения, касавшиеся срока действия мирного соглашения. Кадровая проблема обострилась с учреждением постоянного представительства при Высокой Порте. Она решалась двумя способами: приемом иностранных специалистов и обучением османскому языку сотрудников дипломатической миссии. В начале XVIII в. преобладал первый способ, к концу петровского царствования — второй. В 1720-х годах резидент И.И. Неплюев создал в Стамбуле школу, где переводчики русской дипломатической миссии обучали иностранным языкам присланных из Санкт-Петербурга молодых дворян и детей киевских рейтар.

Баринов Дмитрий Андреевич

**От Археографической комиссии к Ленинградскому отделению
Института истории РАН**

Распад Российской империи в 1917 г. открыл для Археографической комиссии долгий и трудный период существования, растянувшийся почти на два десятилетия. Вплоть до образования в начале 1936 г. Ленинградского отделения института истории АН СССР статус комиссии (впоследствии — института), ее состав, полномочия и магистральные направления издательской и научной деятельности регулярно пересматривались, а целесообразность самого существования комиссии неоднократно ставилась под сомнение.

В 1917 г. Комиссии пришлось столкнуться с целым рядом организационных трудностей. Часть фондов была эвакуирована из Петрограда в Саратов и Пермь, к эвакуации готовили также часть сотрудников комиссии. После Октябрьской революции часть отпечатанных листов, оказалась в реквизированной типографии Башмакова. Вернуться их получилось только через несколько месяцев. Ввиду острой материальной недостаточности к началу 1920-х гг. работа комиссии пришла к упадку и встал вопрос о ее закрытии. В 1921 г. состоялось заседание комиссии по ликвидации

Археографической комиссии. Однако сторонники сохранения учреждения со столь давней историей победили. Решение было найдено в передаче комиссии в подчинение Академии наук.

Постепенно комиссия возвращается к активной работе. В 1926 г. в ее состав вошла Постоянная историческая комиссия. Постепенно статус «комиссии» перестал удовлетворять ее работников. Считалось, что он не отвечает масштабу ее работы и подчеркивает более низкое положение по сравнению с полноценными академическими институтами. В марте 1929 г. для ведения издательской и научной деятельности С.Ф. Платонов предложил на основе комиссии создать Институт вспомогательных исторических дисциплин. В этом же году А.И. Андреев отмечал, что работа комиссии давно выходит за рамки издательского дела, а комиссия уже на деле стала институтом.

В 1931 г. чаяния сотрудников комиссии были услышаны, и Историко-археографическая комиссия стала Историко-археографическим институтом. Новая тематика работ комиссии была связана с историей заводов и мануфактур, а также с историей общественных движений, историей народов, проживавших в национальных республиках страны. Проводимые репрессии сказались и на работе Археографической комиссии. В январе 1930 г. был арестован и впоследствии сослан ее директор С.Ф. Платонов. В главе комиссии встали партийные историки М.Н. Покровский и С.Г. Томсинский, которые пересмотрели утвержденный ранее план научной работы.

В 1935 г. началось обсуждение новой кардинальной реформы института. К переменам подталкивало существование в Ленинграде нескольких учреждений, научные функции и штатный состав которых во многом дублировались. Наиболее крупным из них был Институт документа книги и письма (ИДКП). С 1934 г. действовала также Историческая комиссия; предполагалось, что она возьмет на себя руководство историческими исследованиями, проводимыми в рамках Института востоковедения, Историко-археографического института, Института истории науки и техники, Института антропологии и этнографии,

Института книги документа и письма. С 1929 г. в Ленинграде работал также Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии. При этом не одно из них не имело ярко выраженной научной специализации (как, например, Институт востоковедения или Институт антропологии и этнографии), а многие сотрудники часто работали сразу в нескольких организациях. Сложившееся положение подталкивало к централизации, и именно Историко-археографический институт должен стал местом объединения всех четырех учреждений. 29 марта 1936 г. процесс слияния учреждений завершился созданием Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Басманов Михаил Денисович

Проведение физико-химических исследований объектов методом инфракрасной спектроскопии

Инфракрасная (ИК) спектроскопия – это аналитический метод исследования веществ и материалов, основанный на регистрации колебаний химических связей молекул. Результатом этого метода является инфракрасный спектр, набор характеристик которого уникален для каждой молекулы или материала и используется для идентификации исследуемого вещества. В применении к изучению исторических материалов ИК-спектроскопия может также дать информацию о химических изменениях, вызванных химической обработкой или старением, на основе обнаружения новых полос поглощения в ИК-спектре, их сдвига или изменения интенсивности. Хотя этот метод чаще всего используется с органическими материалами, он также может дать ценную информацию о многих неорганических соединениях.

Оптимальная реализация метода ИК-спектроскопии для целей идентификации неизвестных веществ требует накопления библиотек спектров веществ известного состава. Неизвестные объекты идентифицируются путём сравнения их спектров с эталонными. Нахождение положений и

интенсивностей полос поглощения спектральных данных является при этом главной задачей. Для однозначного определения этих параметров необходимо проведение обработки данных – их сглаживания, коррекции базовой линии, конвертации файлов спектральных данных в единый формат хранения.

Инфракрасный спектр обычно получают путём пропускания инфракрасного излучения через исследуемый объект или отражения от него. Лаборатория комплексного исследования рукописных памятников оборудована ИК-спектрометром Alpha II (Bruker, Германия), оснащённым несколькими приставками, реализующими, в том числе, следующие методы ИК-спектроскопии:

- *Метод диффузного отражения* (DRIFTS – Diffuse Reflectance for Infrared Fourier Transform Spectroscopy) является предпочтительным для объектов с толщиной, не позволяющей пропускать излучение, или для непрозрачных образцов, таких как фотографии на бумаге и картоне. Одним из важных преимуществ использования этого метода является возможность проведения неразрушающего анализа исторических объектов.
- *Метод нарушенного полного внутреннего отражения* (НПВО, ATR – Attenuated Total Reflection) является предпочтительным методом в ИК-спектроскопии, однако не является неинвазивным, так как требует непосредственного и плотного контакта образца с поверхностью НПВО кристалла. Для наиболее точного определения положений и интенсивностей пиков спектральных данных, а также возможности их конвертации в спектры пропускания, необходимо также проведение НПВО коррекции.

ИК-спектроскопия может дополнять другие физико-химические методы исследования, такие как рентгенофлуоресцентный анализ. ИК-спектроскопия предоставляет информацию об органических составляющих объекта

исследования – связующих веществах, покрытиях, лаках, в то время как рентгенофлуоресцентный анализ – о неорганических.

Проведены исследования печатей из воска и сургуча, а также фотографий. Полученные спектральные данные были обработаны с использованием вышеописанных методов, а также НПВО коррекции (одно отражение, угол падения 45°, средний показатель преломления НПВО кристалла алмаза – 2.4) в программном обеспечении OPUS ИК-спектрометра. Сделаны выводы о возможности применения метода ИК-спектроскопии для исследования подобных объектов. По полученным данным сделаны предположения о химическом составе объектов. При помощи статистических методов обработки данных сделаны выводы о возможности определения принадлежности объектов к одной серии.

Басов Иван Михайлович

«ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА» ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ XVI в.

Статистический анализ заголовков польских печатных изданий XVI в. демонстрирует рост частоты использования групповой лексики (соционимов) как в абсолютных, так и в относительных числах: если в 1500-х гг. лишь 6 изданий (5.46% от общего числа) содержали групповую лексику в заголовке, то в 1590-е гг. число таких изданий достигает 195 (33.5% от общего числа). Попытаться объяснить такую динамику возможно, лишь обратившись к социальной истории.

Основными жанрами, активно оперирующими групповой лексикой, являются религиозные трактаты и политические памфлеты – т. е. полемические сочинения, для которых в целом характерна поляризация. Отчасти статистические данные объясняются увеличением доли таких сочинений в массе изданий. Однако тенденция польской печати на протяжении XVI в. к поляризации – лишь отражение социальной динамики. Соотнесение дат публикаций антипротестантских, антиведовских и антисемитских трактатов с

проявлениями коллективной ненависти (погромы, судебные процессы, законодательные инициативы и др.) показывает высокую корреляцию печати и социальной динамики. Ко 2-й полов. XVI в. печать в Польском королевстве уже была достаточно массовой и полонизированной для того, чтобы влиять не только на интеллектуальную элиту, но и на сравнительно широкие слои грамотного городского населения.

При этом печатная тенденция к унификации приводила к постепенному взаимопроникновению представлений об этнических и религиозных группах, к их смешению, категоризации и уподоблению. Логическим завершением такой унификации в конце XVI в. становится смешение в ряде памфлетов всех конфессиональных оппонентов, а также евреев и ведм в единую группу.

Таким образом, рост числа групповой лексики в печати происходит в контексте роста социальной поляризации: в рамках процессов т. н. «конфессионализации», «охоты на ведм», антисемитских, антимосковских и антитурецких кампаний. Представления о соответствующих группах («католики», «лютеране», «ведьмы», «евреи» и более специфические сообщества) прочно входят в польскую печатную культуру. К тому же имеет место и обратный процесс, когда актовые материалы реагируют на идеи полемической литературы, используют её лексику, что позволяет говорить о взаимовлиянии печати и социальной динамики.

Башнин Никита Викторович

К истории двора Вологодского архиерейского дома в последней четверти XVII в.

Д. Е. Гневашев привлек приходо-расходные книги Вологодского дома Св. Софии 1615, 1620, 1621, 1624, 1626, 1627, 1632, 1641, 1648, 1651, 1660, 1662, 1671, 1676, 1682 и 1690 гг. для исследования структуры святительского двора в

XVII в.¹ По его мнению, «ярким пятном в истории двора Вологодского архиерея является семейственность службы, наличие, так сказать, «рабочих династий». Архиерею служили целыми фамилиями (Александровы (5 чел.), Бебеховы (6 чел.), Блиновы (8 чел.), Горяиновы (5 чел.), Ефремовы (12 чел.), Патрикеевы (5 чел.). Наследственность архиерейской службы была в семьях Беляевых, Болтиных, Быковых, Головковых, Домовских, Кудрявцевых, Немытого, Озеровых, Розвариных и др. К примеру, князья Дябринские служили Вологодскому архиерею с 1592 г. Предки Беляевых и Болтиных показаны детьми боярскими Вологодского владыки в 1558 г.»² Эти лаконичные сведения об архиерейских детях боярских и структуре владычного двора во второй половине XVII в. уточнены и дополнены на основе анализа выявленных в ОР РНБ приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома 1677/78³ и 1692/93 г.⁴ и других документов.

Результаты анализа источников были сведены в таблицу. Всего в структуре архиерейского двора было 26 должностей и еще одна категория лиц, получавших жалование – дети боярские. За 14 лет количество архиерейских людей возросло с 94 до 109 человек. Наиболее заметное изменение – дробление певчих на три станицы в 1692/93 г., а также появление новых должностей: верховой келейник, пономарь, скатертной старец, чашник (их занимали старцы); верховой истопник, серебряник, кузнец, повар, приспешник, хлебник, пивовар, плотник, конюх (их занимали светские лица). Очевидно, что и ранее были люди, выполнявшие обязанности по этим должностям (топка печей, выпечка хлеба, варка пива) совместно с другими работами, но отдельно в «жалованной книге» они не были выделены. В 1692/93 г. исчезло упоминание подключников, которых в 1677/78 г. было двое. В целом эти сведения

¹ Гневашев Д. Е. Двор Вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрег. науч. конф. Вологда, 20–21 июня 2000 г. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 139–149.

² Гневашев Д. Е. Двор Вологодского архиепископа... С. 146.

³ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 285–467.

⁴ ОР РНБ. Ф. 775 (Собрание А. А. Титова). Ед. хр. 2763.

указывают на своеобразное генеалогическое разрастание структуры архиерейского двора, ее усложнение. Очевидно, что это также связано со сменой фигуры архиепископа – после Симона в 1684 г. владыкой стал Гавриил (Кичигин).

Отметим, что за 14 лет полностью сменился личный состав на должностях, которые могли занимать только духовные лица, а также в своем большинстве поменялись люди светских чинов. Так, из 15 певчих, названных в 1677/78 г. в 1692/93 упоминаются только двое. Из 15 подъячих преемственность видна только в одном случае – Андрей Григорьев. Бессменным стряпчим оказался Иван Суровцев, служившим архиереям в Москве. Из 45 детей боярских (которые упоминаются только в этом чине) только 14 упомянуты через 14 лет и в двух случаях это родственники.

Итак, анализ записей о выдаче жалования в двух приходе-расходных книгах Вологодского архиерейского дома 1677/78 и 1692/93 гг. показал, что за 14 лет состав архиерейского двора значительно изменился, при этом видно генеалогическое развитие его структуры двора. Сопоставление имен людей отображает как семейную преемственность на службе Вологодскому владыке, так и уход с нее по неизвестным из этих источников причинам. Учитывая, что сохранилось большое число приходе-расходных книг Вологодской кафедры, констатируем что для детального анализа семейных связей и карьерных траекторий необходимо сравнение источников за более близкие хронологические периоды. В этом случае будет возможно вычислить время поступления на службу или первое упоминание какого-либо лица и уход со службы или его смерть. Анализ совокупности государственных переписей, приходе-расходных книг и других архиерейских документов дает возможность выявить родственные связи и места проживания архиерейских детей боярских и людей других чинов, служивших Вологодскому архиерейскому дому Св. Софии.

Бередникова Виктория Евгеньевна

Деятельность органов управления Северо-Западного фронта по организации партизанского движения на территории Ленинградской области (1941-1942 гг.)

Несмотря на то, что историки занимались изучением процесса организации партизанского движения на территории Ленинградской области, вклад военных в этот процесс на начальном этапе битвы за Ленинград исследован недостаточно. В историографии преобладает мнение об исключительной роли ленинградских городской и областной партийных организаций в процессе создания партизанского движения на территории Ленинградской области.

Подготовка к ведению партизанской борьбы в Советском Союзе активно велась уже в 1920-х – 1930-х гг. Однако программа подготовки партизан в конце 1930-х гг. была свернута в связи с изменившейся военной доктриной СССР, не предусматривавшей более ведение продолжительной войны на собственной территории. Важнейшим последствием стало отсутствие подготовленных кадров для ведения партизанской борьбы в тылу противника.

Великая Отечественная война потребовала принятия срочных решений от партийного и военного руководства. В начале июля 1941 г. создание партизанских отрядов осуществлялось как в Ленинграде, так и на территории Ленинградской области. Подразделения, организованные в городе, не могли действовать эффективно в тылу противника. Руководством Северо-Западного фронта были предприняты меры по улучшению ситуации – разработаны собственные методические рекомендации по созданию и принципам действия партизанских отрядов, сформирован 10-й отдел при Политуправлении фронта, занимавшийся вопросами организации движения.

К октябрю 1941 г. партизаны, воевавшие в полосе Северо-Западного фронта, оказались окончательно оторваны от руководящего центра, расположенного в Ленинграде, поскольку районы их действия оказались в

оккупации. Осуществлять управление партизанскими отрядами напрямую из Ленинграда не представлялось возможным в том числе из-за начавшейся 8 сентября 1941 г. сухопутной блокады города. Политическое управление Северо-Западного фронта вынуждено было взять руководство партизанским движением под свой контроль. Вся работа по организации партизанских отрядов и координации их боевой деятельности полностью перешла в ведение 10-го отдела.

Создание в сентябре 1941 г. Ленинградского штаба партизанского движения не привело к полной передаче руководящих функций от армейского руководства партийному. Военные, в частности, командование Северо-Западного фронта, продолжало активно заниматься созданием, комплектованием, подготовкой и координацией деятельности в полосе фронта в последующие годы.

Бехтер Анастасия Петровна

Свинцовый архив Мирмекия

В 2017 г. было найдено на территории городища Мирмекий было обнаружено первое свинцовое письмо. Подобная находка всегда является событием, это же оказалось интересным сразу в нескольких отношениях: во-первых, оно представляет собой не фрагмент, а полностью сохранный пластику, хотя и с повреждениями; во-вторых, является опистографом, причем достаточно хорошо читаются обе стороны, и, наконец, письмо содержит не одно, а несколько посланий разным людям. Время создания документа - первая половина IV в. до н.э. Автор письма - купец Орей, в сферу торговых интересов которого помимо традиционных для Боспора товаров таких как рыба и рабы входят и дорогие заморские ткани, выкрашенные пурпуром.

В 2020 г. были обнаружены два новых письма, к сожалению, в сильно фрагментированном состоянии. Оба фрагмента были обнаружены при проверке металлоискателем грунта, вывезенного с раскопа, т.е. вне археологического

контекста, однако грунт из разных контекстов перемещался в разные зоны, так что ясно, что находки происходят из самых ранних напластований зольника II (примерно в 300-270 гг. до н.э.).

Несмотря на сильную поврежденность, по уцелевшим фрагментам можно заключить, что оба письма принадлежат к тому же жанру, что и письмо Орея.

Шрифт первого письма демонстрирует существенное сходство с письмом Орея, т.е. хронологически тексты должны быть довольно близки. Приветственная формула утрачена, поэтому имена отправителя и адресата остаются неизвестными. С письмом Орея новый текст сближает использование императивов: в стк. 3 четко читается ἤκε τὰ ἐμ «отправь их» (либо предлог в/к, либо начало названия предметов, которые следует отправить) и большое количество персонажей, вовлеченных в деловую активность: в стк. 4 хорошо читается личное имя Артемидор в форме номинатива, т.е. это не обращение к адресату, который остается нам неизвестен, а указание на третье лицо; в стк. 5 фигурирует еще одно личное имя Сократ, зависящее от предлога προς: «к Сократу».

Шрифт третьего письма заметно отличается от манеры письма первых двух документов и указывает на гораздо более поздний период: не ранее начала второй трети III в. до н.э. Судя по тому, что в верхней части пластины над хорошо читающейся строчкой фиксируется пустое пространство, хотя расстояние между строк очень невелико, перед нами начало текста.

Читающееся в стк. 1 ΜΗΤΡΙΟΣ должно восстанавливаться как личное имя [Δη]μήτρος, входящее в состав приветственного формуляра, т.е. Деметрий является автором письма. Учитывая тот факт, что утрачен текст слева, приветственная формула, видимо, была построена по модели τῷ θεῷ ὁ θεῖνος, т.е. имя адресата стояло перед именем отправителя. Читающаяся в стк. 6 форма императива παράλαβε («возьми, прими») показывает, что, как и в первых двух случаях, перед нами письмо делового характера.

Судя по всему, адресаты проживали на территории Мирмекия, тогда как отправители: Орей из письма № 1 и Деметрий из письма № 3, отдававшие получателям распоряжения, – находились в каком-то другом центре (Пантикапей?).

Наиболее сложным оказывается вопрос датировки писем №№ 2-3. Письмо может быть № 3 синхронно периоду формирования древнейшего пласта зольника II, тогда как письмо № 2 гораздо древнее. При этом оба разновременных документа (разница почти достигать почти ста лет!) были обнаружены вместе, что весьма необычно для столь редкого типа находок. Мы видим только один вариант решения проблемы: письма были объединены до попадания в зольник. Мы не знаем, сознательно ли копились письма, т.е. составляли настоящий архив, и были выброшены после того как записанная на них информация потеряла свою ценность, либо же фрагмент старого письма уцелел случайно, хотя должен быть перекатан/переплавлен для последующего использования. В любом случае совместность этих находок указывает на непрерывность и последовательность деловой активности жителей Мирмекия в течение почти целого столетия.

Богомолов Алексей Иванович

**Приключения документального комплекса:
о формировании фонда 38 РГВА в 1918-1939 гг.**

Доклад посвящен истории формирования документального комплекса (фонд № 38 «Штаб железнодорожных войск Республики» (1918-1920 гг.) в составе Российского государственного военного архива. Предпринята попытка выяснить причины неполноты документального комплекса, содержащего сведения о воинской части железнодорожных войск РККА, в которой служила военврач С.А. Сокольская. 46-я отдельная железнодорожная рота Железнодорожных войск РККА была сформирована в сентябре 1919 г. и относилась к «второму поколению» частей Железнодорожных войск РККА

(«первое» было почти полностью уничтожено или рассеяно летом 1919 г., оказавшись в полосе масштабного наступления войск А.И. Деникина). Материалов штаба отдельной роты в виде единого комплекса документов обнаружить не удалось, но сохранились, хотя бы частично, материалы переписки штаба роты со Штабом Железнодорожных войск Республики.

Штаб железнодорожных войск Республики был сформирован на основании штатов и Положения, утвержденных Революционным Военным советом Республики 25 октября 1918 г. (Приказ Р.В.С.Р. № 150/20 от 25.10.1918 г.). Для объединения всей деятельности железнодорожных войск Республики, в том числе вопросов снабжения, приказом Р.В.С.Р. № 895 от 24.05.1919 г. Железнодорожный отдел Главного Военно-инженерного управления, а его функции (хранение, учет, распределение по фронтам специального имущества) были переданы в Штаб железнодорожных войск Республики. Приказом Р.В.С.Р. № 563/96 от 15 апреля 1920 г. Штаб железнодорожных войск Республики был включен в состав Центрального Управления военных сообщений (ЦУПВОСО) с переименованием его в Отдел железнодорожных войск ЦУПВОСО. Делопроизводственные документы Штаба за период 1918-1920 гг. в материалах фонда ЦУПВОСО не обнаружены. Следовало бы ожидать обратного, но, судя по отсутствию этих документов в описи фонда ЦУПВОСО, они не были включены в оборот действующего делопроизводства и переданы в архив. Скорее всего, вывод их из обращения был обусловлен прекращением боевых действий гражданской войны и начавшейся масштабной демобилизацией личного состава РККА, роспуском и кадрированием воинских частей и соединений. В этих условиях сохранять в действующем штабе документы, касающиеся уже закончившихся боевых действий более не существующих или переформированных частей едва ли имело смысл.

Когда именно документы Штаба ж.д. войск Республики были переданы и приняты на ответственное хранение в архив, как ни странно, установить не удалось. Приемо-передаточные документы в описи фонда отсутствуют. Судя по

датировке в описании фонда, как отдельный документальный комплекс они были внесены в опись фонда в 1939 году. Где они находились до этого времени, неизвестно. В 1967 г., когда сотрудники ЦГАСА производили ревизию материалов фонда, в акте сверки было указано: «Установить время поступления документальных материалов в ЦГАСА не представляется возможным». Таким образом, почти два десятка лет материалы штаба целого рода войск за период гражданской войны не только не были включены в научный оборот, но и не находились на ответственном хранении. Эти условия не лучшим образом сказались на состоянии материалов фонда. Фактически в фонде отсутствует до 70 % документов, отмеченных в описи 1939 года. Отсутствуют и документы о снятии с хранения этих материалов. В «профильных» исторических исследованиях советского периода отсутствуют ссылки на материалы этого фонда. Выявить лагуну в источниковой базе исследований деятельности военных железнодорожников оказалось легче, чем ее заполнить.

Болдовский Кирилл Анатольевич

Кадровая политика в номенклатурных назначениях «брежневского» периода: механизмы и практики

В современной историографии распространено мнение, что одним из основных принципов политики Л.И. Брежнева было стремление поддерживать стабильные, во многом личные, патерналистские отношения с руководством регионов, важнейшими ведомствами и, частично, с лидерами стран социалистического лагеря. По мысли таких исследователей, как А.И. Савин, С. Шаттенберг, В. Дённингхаус и др., это делалось с целью обеспечения их лояльности. Однако данный вопрос в настоящее время недостаточно изучен. Практики кадровой работы на высшем (номенклатура ЦК КПСС) и среднем (региональная партийная номенклатура) уровнях нуждаются в дополнительном изучении.

Насколько можно судить на основе доступных в настоящее время источников, назначения на наиболее важные посты в государстве (так называемая «номенклатура Политбюро») происходили на основе компромиссов между руководителями крупнейших ведомств, которые в большинстве случаев лично входили в состав Политбюро ЦК КПСС.

Вопросы о назначениях на остальные должности из номенклатуры ЦК решались путем согласований между руководителями ведомственных кадровых служб и профильных отделов аппарата ЦК КПСС. В конфликтных случаях вмешивались соответствующие секретари ЦК и руководители ведомств. Чаще всего возникавшие проблемы решались уже на уровне предварительных обсуждений и не выносились на официальные заседания Секретариата ЦК КПСС.

Недостаточно исследованным остается вопрос о механизме и практиках принятия решений при назначениях на должности, входившие в номенклатуру региональных партийных комитетов (обкомов, ЦК союзных республик и др.). Эти назначения были весьма важными. Достаточно отметить, что к ним относились такие должности, как заместители начальников (кроме первых и некоторых других заместителей) областных управлений и руководители районных подразделений организаций центрального подчинения, в том числе МВД, КГБ, прокуратуры. Теоретически самовластье руководства обкомов и республик могло привести к формированию клановых структур, что, естественно, было бы нежелательным для централизованной системы управления. С другой стороны, переход к практике назначений из центра стал бы нарушением принципов партийного контроля за кадрами, региональной самостоятельности и, в конечном итоге, привел бы к многочисленным конфликтам, осложняющим работу.

Решение было найдено, как представляется, при формировании ведомственных кадровых служб. На посты руководителей кадровых подразделений как центральных ведомств, так и их региональных

подразделений назначались бывшие работники партийного аппарата, в первую очередь, его кадровых служб. Эти должности сами по себе входили в номенклатуру центральных партийных органов (прежде всего, ЦК КПСС), и работники регулярно отчитывались перед ними. Таким образом, при назначениях на посты из региональной номенклатуры.

Болдовский Кирилл Анатольевич

Г.М. Маленков и блокадный Ленинград

Одной из характерных черт практики партийного руководства Ленинграда блокадного периода было сочетание региональной самостоятельности и ориентации на решения, а иногда даже мнения, высшего руководства страны.

С этой точки зрения представляется важным исследование вопроса о степени влияния члена ГКО СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова на принятие решений, касающихся Ленинграда в период Великой Отечественной войны.

В результате отстранения Маленкова от власти летом 1957 г. в историографии долгое время оставалась недостаточной исследованной его деятельность в военные и первые послевоенные годы.

Ставшие известными в последние годы источники дают основания полагать, что именно Маленкову было поручено в ГКО «кураторство», т.е. наблюдение за деятельностью руководства Ленинградского и Волховского фронтов, а также партийной организации Ленинграда, и постоянная связь с местными руководителями для помощи в решении текущих проблем.

Тесные рабочие отношения в военный период Маленков поддерживал с А.А. Кузнецовым – вторым секретарем ленинградского горкома партии, о чем свидетельствует тот факт, что в 1937 г. кандидатура Кузнецова предлагалась для занятия должности заместителя Маленкова в отделе руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

В показаниях личного помощника А.А. Жданова – А.Н. Кузнецова, данных им в Комитете партийного контроля в 1959 г., напрямую указывается на то, что именно Маленков был тем членом руководства, который продвигал кандидатуру Кузнецова на пост руководителя Ленинграда. По мнению А.Н. Кузнецова, влиянием Маленкова обусловлено то, что, начиная с осени 1944 г. Жданов был практически отстранен от дел в Ленинграде, а его имя все реже стало упоминаться среди блокадных руководителей города.

А.А. Кузнецов часто в блокадный период и первые послевоенные годы ссылаясь в своих выступлениях на «мнение ЦК», которое во многих случаях можно интерпретировать, как указания Маленкова (например, в кадровой политике партийных органов).

В качестве еще одного примера влияния высшего руководства страны на решения ленинградских руководителей можно упомянуть об истории с переименованием топонимических объектов в центре Ленинграда, официально оформленном в начале января 1944 г. В некоторых работах встречаются утверждения, сводящиеся к тому, что это решение было принято, якобы, самостоятельно ленинградскими руководителями, что служит подтверждением их некой «рускоцентричных» или даже «проимперских» настроений. Анализ источников показывает, что подобные рассуждения не имеют отношения к реальным событиям, поскольку данное решение было принято в соответствии с пожеланиями и при согласовании со И.В. Сталиным.

Вопрос о роли Маленкова в истории блокадного и послевоенного Ленинграда безусловно нуждается в дополнительном изучении с привлечением новых источников, но уже сейчас можно отметить, что его деятельность как одного из руководителей государства и члена «ближнего круга» Сталина была существенна для Ленинграда и не должна быть обойдена вниманием исследователей.

Быков А.А.

Отчет о исследовании блокадных афиш методами Лаборатории КИРП СПИИ

Методами рентгеновской дифракции, ИК и WDS спектроскопий и спектрофотометрии были исследованы образцы бумаги афиш блокадного Ленинграда. Определены состав бумаги и введенные при производстве примеси. Относительно аналогичных типов бумаги, произведенных в середине века в СССР, обнаружено уменьшение размеров микрофибрилл целлюлозы, окисление CH^2 групп до CO , обесцвечивание посредством поглощения света C=O группами. Такое ухудшение механических и пользовательских качеств бумаги, может быть вызвано деградацией бумаги, вызванной неправильными условиями хранения.

Существует множество архивов с бумажными артефактами, которые постепенно изнашиваются и в конце концов исчезают в результате деградации основного компонента бумаги, дающей ей прочность - целлюлозы. Для того чтобы принять необходимые меры для реставрации бумаг необходимо узнать их текущее состояние - тип целлюлозы, кислотность, наполнители. Кроме того, в последнее время появилось курс на добавление в разрушающуюся бумагу микропримесей, восстанавливающие ее свойства, либо предохраняющие ее от разрушения. Для того чтобы верно оценить полезность того или иного метода необходимо также проверять состояние бумаги. Новые, неразрушающие методы естественных наук призваны сейчас дать новые типы информации и помочь историкам и реставраторам.

Известно, что бумага имеет сложную внутреннюю структуру, унаследованную от структуры органики из которой она была произведена (обычно дерева). В основе ее лежит молекула D-глюкозы (углеводород на основе пиранового кольца содержащий альдегидную (R-CHO) и гидроксо (O-H) группы), полимеризованная в полисахарид «целлюлоза» $(\text{C}_6\text{H}_{10}\text{O}_5)_n$ длиной 1,5-20 мкм, диаметром 0,6-0,8 нм и степенью полимеризации около $1.4 \cdot 10^4$. Такие полисахариды упаковываются в мицеллы (иначе микрофибриллы) -

кристаллы диаметром 3-6 нм из 20-100 молекул, которые в свою очередь агрегированы в фибриллы - стопки таких идеальных кристаллов (15-20 мицелл, диаметр 20-30 нм). Такие фибриллы объединяются в жгут или волокно (диаметр 0,4-20 мкм) с помощью лигнина (полимер производных фенилпропана) и хемицеллюлозы (полисахариды пентоз и гексоз). Хаотично переплетенные волокна с неорганическим наполнителем, дающим объем и представляют собой бумагу.

Итак, механическую прочность бумаге придает целлюлоза. При длительном хранении целлюлоза деградирует и это приводит к разрушению архивных документов. В данной работе определялась стадия деградации афиш и концертных программ симфонических оркестров Радиокомитета (Ленинград) и Филармонии (Новосибирск) 1941-44 годов, то есть периода блокады. Эти афиши - относительно молодые артефакты, представляющие методический интерес самым началом деградации.

Материалы и методы.

Афиши были получены от Музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской Академической Филармонии им. Д.Д. Шостаковича. Фото афиш находятся по адресу <https://www.philharmonia.spb.ru/about/history/mlitary>. Для XRD и WDS экспериментов от некоторых обветшалых афиш, были отобраны образцы - отклеивающиеся, самопроизвольно отпавшие кусочки. ИК спектрометрия и спектрофотометрия проводились непосредственно на афишах, без их повреждения.

Для рентгеновской дифракции (XRD) образцы помещались на стеклянную кювету, эксперимент проводился на воздухе. Рентгенограмма получена на приборе Rigaku SmartLab 3kWt (Лабораторный комплекс РК ПИК ПИЯФ, Гатчина, Россия), с кобальтовым излучением ($\text{Co K}\alpha = 1.78919 \text{ \AA}$), K-beta фильтром и двумерным детектором HyPix-3000. Для учета кривой разрешения прибора, форма пиков спектра излучения рентгеновской трубки была откалибрована по эталонному поликристаллу кремния, производства

фирмы Rigaku. Инструментальное разрешение (ширина на полувысоте пика в малых углах) не превышало 0,03 градуса. Измерение проводилось при комнатной температуре в диапазоне углов от 10 до 90 с шагом 0.01 deg в геометрии Брэгг-Брентано. Фазовый анализ проводился с помощью базы данных PDF-2016 программой PDXL. Полнопрофильный анализ и вычисление параметров проводилось программой Profex/BGMN [doi:10.1107/S1600576715014685] методом Ритвельда. Исходная для подгонки кристаллическая структура $P2_1$ (№4) была взята из [DOI: 10.1021/ja0257319]. Фон подгонялся Лагранжианом 4 го порядка, форма пика использовалась Гауссова, свернутая с пиками спектра рентгеновской трубки и математической моделью инструмента. Предпочтительная ориентация учитывалась с помощью разложения шкального фактора разных рефлексов на сферические гармоники.

Элементный анализ (WDS типа) выполняли на волнодисперсионном рентгенофлюоресцентном спектрометре последовательного типа Bruker S8 Tiger. С возбуждением Rh трубки и с использованием кристалл-анализаторов LiF200, LiF220, EE, XS-55, XS-B. Рабочая камера прибора заполнялась гелием, режим съемки - при пониженном давлении. Диаметр использованной маски составлял 5 мм. Обработку спектров проводили в программном обеспечении SpectraPlus v4.1.0.6. Измерения колебательных спектров поглощения проводились на ИК-Фурье спектрометре Bruker ALPHA II, с использованием приставки НПВО в спектральном диапазоне 300 - 4000 см^{-1} . Обработка производилась программным обеспечением OPUS. Для измерения спектров флуоресценции бумаги использовался спектрофотометр Noviprofibre N5900 с диапазоном длин волн 360-740 нм и погрешностью в пределах 0,02%. Для измерения без флуоресценции (без УФ-составляющей) калибровка производилась в соответствии с ISO 2469, по образцам IR3.

Спектры и результаты волнодисперсионной спектроскопии (WDS) для афиш № 79 и 40 были измерены. Отсюда, а также из рентгено-фазового анализа дифрактограмм можно определить использованный наполнитель - каолин (сорт

глины $\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$) и в некоторых случаях примеси солей калия ($\text{K}_2\text{Ca}_2(\text{SO}_4)_3$) и песка SiO_2 . По указанным примесям возможно определить карьер и фабрику производителя бумаги, впоследствии. Размер целлюлозы колеблется в зависимости от афиш. Связано это с деградацией кристаллов целлюлозы, либо изначально с различными сортами/породами используемой древесины. Размер кристалла микрофибриллы - вдоль оси симметрии с около 8 микрометров, а в других направлениях 2 - 4 нм. Отсюда примерная степень полимеризации $1.1 \cdot 10^4$, что существенно ниже, чем у используемых волокон целлюлозы в бумажной промышленности ($1.5 \cdot 10^4$).

Один из самых быстрых в обработке способов исследования бумаги - спектрофотометрия. На форму спектра флуоресцентной спектроскопии влияет процессы производства (то есть варки, отбеливания, и пр.) и хранения - облучение светом, перегревы, микроорганизмы, и т.п. Были измерены кривые интенсивности светопропускания от длины волны для некоторых образцов. Использовался источник D65, то есть эмулировал дневной свет. Для ультрафиолетового источника Uvex (ultra violet exposure) спектры были измерены в оптической области спектра, где он не показывает эффективность. Кроме образцов афиш были измерены реперы - современная офисная бумага, не подвергшаяся старению. На кривой офисной бумаги хорошо различимы (даже без построения второй производной от кривой) два пика - в районе 440 и 670 нм. Известно, что в этой области люминесцирует целлюлоза (440 нм), а также ее сопутствующие полисахариды (лигнин 416, 463, и прочие). Более длинноволновый пик возможно порожден неорганическим наполнителем (около 675 нм). В спектрах афиш пик от неорганического наполнителя остался, так как неорганический наполнители бумаги каолин/мел ($\text{CaCO}_3 \cdot \text{MgCO}_3$)/талк $\text{Mg}_3\text{Si}_4\text{O}_{10}(\text{OH})_2$ довольно химически устойчив (особенно используемый здесь каолин, так как уже окислен). А вот целлюлозный пик исчез, скорее всего из-за подавления светопропускания карбонильными группами $\text{C}=\text{O}$ (пик подавления 280 – 305 нм), образующимися как при окислении целлюлозы, так и лигнина.

Кроме того интенсивность при деградации бумаги снижается, так как уменьшается количество люминофора - свет выжигает участки в спектре своего цвета. По относительным интенсивностям различных кривых афиш, и по выраженности пика целлюлозы можно судить о деградации бумаги. Можно сказать, что образец №80 более всех нуждается в реставрации.

Если перейти к более низкоэнергетической спектроскопии, то есть ИК, то такой метод также является неразрушающим, как и спектрофотометрия. Пики на ИК спектре соответствуют колебаниям функциональных групп сложных молекул, по набору которых можно определить природу исследуемой молекулы и ее состояние. На полученных ИК-спектрах для офисной афишной бумаги присутствуют основные пики, характерные для целлюлозы: $3570-3125\text{ см}^{-1}$ – валентные колебания (ВК) ОН - групп, участвующих в межмолекулярных и внутримолекулярных Н-связях; $2940-2860\text{ см}^{-1}$ ВК связей в группах СН и CH_2 ; 1650 см^{-1} деформационные колебания (ДК) связей Н–О–Н (связанная вода); 1430 см^{-1} , 1370 см^{-1} ДК групп CH_2 ; 1340 см^{-1} – ДК О–Н в CH_2OH ; 1160 см^{-1} , 1110 см^{-1} , 1060 см^{-1} ВК связей С–О. Интенсивная размытая полоса $3200-3600\text{ см}^{-1}$ и менее интенсивная в области $2800-3000\text{ см}^{-1}$ обусловлены соответственно валентными колебаниями гидроксильных групп, включенных в водородную связь и групп СН, CH_2 . Видно, что в спектрах афиш в большей степени присутствуют колебания в области 1600 см^{-1} , характерные для ароматических соединений остаточного лигнина, и 1740 см^{-1} (карбонильная группы хемицеллюлозы). Это может говорить о менее качественном технологическом процессе производства бумаги в период войны? чем в современности. На спектрах афиш, обращает на себя внимание сильная просадка пика деформационных колебаний 1430 см^{-1} , 1370 см^{-1} групп CH_2 , а также появление пика в позиции 2355 см^{-1} , что соответствует CO_2 . Известно, что деструкция целлюлозы будет сопровождаться накоплением в ней карбонильных групп С=О. Отсюда предположение, что в молекуле глюкозы, углерод, связанный с водородом, по мере деградации окисляется. Что приводит к разрушению

микрофибрилл, уменьшению их длины и уменьшения механической прочности бумаги. Это также подтверждается спектрами светопропускания.

Васильев Ярослав Александрович

Аракчеевский крестьянский заемный банк в селе Грузино

Создание в первой половине 19 века крестьянских банков (на деле это были учреждения мелкого кредита) было не только попыткой отдельных помещиков оказать им определенную финансовую помощь для ведения и развития хозяйства, но и являлось составной частью более широких экспериментов, имевших целью поднять доходность своих имений. Если просвещенные помещики пробовали внедрять элементы хозяйственной инициативы, то у Аракчеева это сочеталось с жестокой дисциплиной и мелочной регламентацией всех сторон жизни и деятельности крестьян (в том числе и хозяйственной).

Создание крестьянских банков стало частью программы частичных преобразований Александр I и явилось результатом длительного (с 1801 г.) обсуждения идеи их создания, целей и задач деятельности, проектов, составленных адмиралом Н. С. Мордвиновым и А. А. Аракчеевым.

Аракчеев в 1820 г. учреждает Заемный банк для крестьян в имении Гру́зино по собственноручно составленному Положению и даже вкладывает в его капитал собственных 10 тыс. руб. [7]

Целью банка Аракчеев в п. 1 Положения о банке определил «...помощь скорую, верную и ни от чьего произвола не зависящую ... и чтобы после сего не имели они надобности прибегать ни к каким посторонним займам и помощам, часто ненадежным и всегда тяжелым для бедного...». Крестьяне могли занимать в банке деньги «...когда нужда встретится: на покупку скота рабочего, на свои строения, на все нужды не только по быту их хозяйскому, но и по торгам их и промыслам...» (п. 2). Кроме того, банк ежегодно должен был покупать от 200 до 300 кулей ржаной муки для продажи в долг беднякам (п. 2 и

11). Правда за это крестьянам Грузинской вотчины было запрещено покупать муку в долг из лавок и у торговцев (п. 21). Крестьянам разрешалось вносить в банк деньги на вклады «...для сохранения верного и для прибыли необманчивой...» (п. 4) [5] под 5% годовых. На постройку дома можно было получить до 150 руб., покупку коровы – до 60 руб., лошади – до 100 руб. из расчета 5% годовых. Малоимущие могли рассчитывать и на беспроцентную ссуду [8].

Аракчеев очень гордился этим банком и не забывал отметить его работу перед гостями, посещавшими Гру́зино. Они оставили о его деятельности, как правило, положительные отзывы. Модель его поместья демонстрировала, что крепостное хозяйство при внимательном и деловом владельце, поддерживающем строгую дисциплину, может достигнуть значительных результатов. [1, 4]. Впрочем, многие отмечали, что излишняя строгость, мелочный контроль и придирки графа делали положение его крестьян весьма тяжелым.

Деятельность Гру́зинского мирского банка Аракчеев контролировал тщательно и постоянно, ежемесячно просматривал его отчеты, каждый год проводились ревизии [3].

В дальнейшем исследователи обращались к истории крестьянского банка в Гру́зине, как составного элемента системы хозяйствования, введенной Аракчеевым в своей вотчине. Н. И. Яковкина высказывается о деятельности банка в целом негативно (как и о хозяйственном эксперименте Аракчеева вообще) [7]. К. М. Ячменихин дает более оптимистическую оценку [8].

После смерти Аракчеева (1834) банк продолжал действовать и вместе с имением Гру́зино в 1845-1846 гг. был передан Министерству государственных имуществ [2].

Следующие сведения о Заемном банке с. Грузино относятся к 1857 г. Из его отчета следует, что наличного основного капитала, принадлежавшего банку

состояло 14 403 руб. Однако на хранении находились еще капиталы на сумму 48 249 руб. [5]

По некоторым данным, в 1870-е гг. его капитал еще составлял 30 тыс. руб. [8]

Последние разысканные сведения о Гру́зинском заемном банке относятся к началу 1890-х гг. К 1893 г. его капитал состоял из 51 607 руб.

В целом, из отчета банка за 1891 г. следует, что он действовал (как и большинство сохранившихся дореформенных заведений) как учреждение мелкого сельского кредита. Большая часть основного капитала давно была выдана в ссуды крестьянам, и руководству с трудом удавалось собирать обратно хотя бы проценты. Вклады и другие наличные средства были вложены в государственные процентные бумаги, дававшие Гру́зинскому банку определенный доход. Счетоводство за 300 руб. в год вел помощник волостного писаря [5].

Затем следы Гру́зинского заемного банка окончательно теряются. Данных о нем нет ни в Памятных книжках Новгородской губернии, ни в других справочных или отчетных документах, например в изредка собираемых Министерством финансов сведениях о дореформенных и сословных учреждениях мелкого кредита (1896-1898, 1902 гг.) [6].

Тем не менее, опыт, накопленный Грузинским заемным крестьянским банком и другими сходными заведениями, показал необходимость создания учреждений мелкого сельского кредита и был использован в дальнейшем при организации волостных и удельных банков (1840 и 1859 гг.), а после отмены крепостного права – ссудосберегательных и кредитных товариществ.

Литература

1. Брадке, фон Е. Ф. Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 37.
2. Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 299. Дело о передаче имения

А. А. Аракчеева «Грузино» в ведение Министерства государственных имуществ (1845-1846). [Предписание] о приеме Грузинского имения в ведомство Министерства государственных имуществ (17 июня 1845 г.). Л. 3об.

3. ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Карточки каталожные на документы архива графа А. А. Аракчеева, хранившегося в Новгородском музее древностей.

4. Отто Н. К. Черты из жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, заведённые Аракчеевым в Грузинской вотчине // Древняя и Новая Россия. № 4. 1875. С. 376–393.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. О заемном банке в с. Гру́зино Новгородской губернии. Л. 1-56.

6. РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 666, 667, 677.

7. Яковкина Н. И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX - начала XX века.) Л.: ЛГУ, 1983. С. 49-54.

8. Ячменихин К. М. Социально-экономический абрис Гру́зинской вотчины графа А. А. Аракчеева // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 2015. № 21. С. 69-70.

Введенский Антон Михайлович

Датировка Хождения Афанасия Никитина за три моря

В современной историографии после работы Л. С. Семенова 1978 г. закрепилось мнение, что поездка Афанасия Никитина имела место в 1468–1474 гг. Однако датировка Л. С. Семенова строится лишь на одной фразе. Афанасий сообщает, что праздник бесермен-баграм он встретил в середине месяца после того, как отметил 1 мая Пасху. Семенов считал, что бесермен-баграм — это курбан-байрам, который приходился на середину мая лишь однажды — в 1472 г. Это дата не точна. Обращает на себя внимание тот факт, что Афанасий различал байрамы. Про «курбан» он говорил, что тот приходится на Петров день (29 июня), а «улу» за 9–10 дней до Пасхи. В первом случае речь идет об курбан-байраме, а во втором — о уруза-байраме. Так как Афанасий перестал

использовать христианский календарь в начале четвертого года путешествия, и с высчитыванием именно четвертой Пасхи у него были проблемы (он решил отметить ее 1 мая, что невозможно), следует считать, что он начал вспоминать соотнесенность мусульманский и христианских праздников за предыдущий год. Самая маленькая разница между ураза-байрамом и Пасхой приходилась на 1469 г. и составляла 12 дней. Курбан-байрам же никогда не приходился на 29 июня, но в 1469 г. был 21 июня, а в 1468 г. 1 июля. Очевидно, что тверской купец вспоминал праздники 1469 г. в 1470 г., а, следовательно, отправился в путь в 1467 г.

Вовин Алексей Александрович

Проблемы понятийного аппарата миланских источников XII – первой половины XIII вв.

В историографии существует несколько противоположных концепций трактовки этих понятий и, соответственно, социальной структуры миланского общества XII — XIII вв., т. е. эпохи коммун, закончившейся во второй половине XIII в. установлением синьории семьи Делла Торре. Этот короткий период был одновременно наиболее ярким в истории Милана — эпоха успешной борьбы с императором и лидерства среди коммун. Таким образом, появляется один из главных вопросов в истории средневекового Милана: как так получилось, что самая успешная коммуна Италии XII в. одновременно оказалась и самой короткоживущей? Рассмотрение динамики социальной структуры Милана и призвано помочь ответить на этот вопрос. В докладе рассматриваются существующие в историографии проблемы, связанные с содержанием понятий, используемых в источниках для обозначения различных социальных страт общества Милана XII – первой половины XIII вв. Речь идет, прежде всего, о соотношении между триединой структурой из публично-правовых актов: *capitanei – vasvassores – cives*, двуединой *milites – pedites* из

нарративных источников и, наконец, *professiones iuris (secundum legem Langobardorum – secundum legem Romanam)* из частных актов.

Кажется, что в существующей историографии уже достигнут определенный тупик, для преодоления которого требуются новые методологические решения. В докладе рассматриваются как раз одно из таких возможных комплексных решений. С одной стороны, предлагается подойти к миланскому обществу просопографически, что подразумевает в том числе составление полной «карты» известных нам жителей Милана XII — XIII вв. и установлению их социальной принадлежности, а с другой попытки установления значения вышеуказанных понятий по контекстуальному, а не этимологическому принципу.

Вовина Варвара Гелиевна.

Крестьянские кланы в Подвинье. Яков Емецкий и его родня

Выявление крупных крестьянских кланов, исследование генеалогии крестьянских семей Русского Севера — одна из задач моей плановой работы, посвященной истории одной из волостей Важского уезда (Подвинской четверти) — Кургоменской волости (Кургомени) в XVII — нач. XX в. По более раннему периоду сведений о данной местности крайне мало: не сохранились данные государственных описаний ранее, чем с сер. XVII в., коллекция Важских актов в Архиве СПбИИ РАН содержит документы только начиная с кон. XVI — нач. XVII в.

Но по другим частям Подвинья сохранился богатый актовый материал, который был взят для сравнения. Речь идет об уникальном собрании крестьянских актов в фонде Антониево-Сийского монастыря. Эти документы использовал А. И. Копанев, когда писал о крестьянстве Русского Севера в XVI в. В частности, одна из глав книги была посвящена местным своеземцам Емецким. Более всего сведений сохранилось о Якове Емецком, жившим в конце XVI в. А. И. Копанев использовал их, чтобы показать хозяйственную жизнь

крупной крестьянской семьи. В мои цели входило исследование внутрисемейных отношений, связей Якова Емецкого со своей округой и системы отношений с соседями, строившийся по принципу свой-чужой. Мы можем также расширить представления о его связях в среде двинских землевладельцев и его отношения с Антониево-Сийским монастырем.

Важнейший материал дает духовная Якова Емецкого, в необычной для северных духовных форме повествующая о семейном расколе между отцом и его сыновьями от первого брака. Духовная была написана автором собственноручно. Сохранились и другие, собственноручно написанные им акты, а также его рукоприкладства. Как означенная духовная, так и другие акты раскрывают сложные отношения не только между Яковом Емецким и округой, но и внутри его семьи. Сохранившиеся источники дают возможность понять особенное отношение к грамоте в этой семье. Как сам Яков Емецкий, так и его дети, а также его отец, дед и прадед предпочитали писать документы собственноручно, и у нас есть возможность увидеть, как менялись приемы и уровень крестьянского письма в этой семье на протяжении целого столетия.

Духовная была составлена не перед смертью, а перед казавшейся опасной поездкой в Москву. Обстоятельства этой поездки являют собой запутанную и сложную историю, но мы можем на ее основании понять, на кого уповал автор, кого страшился и почему. Возникает редкая для указанного времени (в особенности в отношении лиц, не принадлежавших к верхушке общества) возможность проследить детали дружбы-вражды, подозрений и опасений человека, принадлежавшего к миру мелких землевладельцев, по сути зажиточных крестьян Русского Севера.

Гаврилов Александр Константинович

Актеры-добровольцы на Ленинградском фронте

Ленинградский Государственный Институт Театра и Музыки (ЛГИТМиК), ныне РГИСИ, носивший в разное время различные названия, о чем

свидетельствует множество аббревиатур, вскоре после сдачи выпускных экзаменов в начале июля 1941г., проявил не только гражданскую, но, можно сказать, артистически острую отзывчивость к вызову времени – началу Отечественной войны. Еще до организации фронтовых бригад (их было несколько на ленинградском фронте и на Балтийском флоте) группа актеров записалась в добровольцы и оказались под Новгородом, потом близ Луги, на р. Оредеж и др. Судьбы и тех, и других определялись чувством долга и были полны испытаний; господствовало желание быть вместе с защитниками Отечества, но понятно и то, что у первых институтских фронтовиков, вошедших в части, формировавшиеся в ленинградских военкоматах уже в июле, итоги оказались особенно печальны: выживших и оставивших свои воспоминания добровольцев оказалось, конечно, меньше, чем других, сохранивших свидетельства о своем участии в действиях на фронте. Ясно, что неопубликованные до сих пор свидетельства фронтовиков-добровольцев имеют особую ценность.

Несколько сохранившихся в архиве автора писем, связанных с Театр. ин-том времен начала блокады Ленинграда, хоть и не имеют масштабного или неожиданного исторического значения, характеризуют обстановку среди фронтовиков и связь их как с домашними, так и с остающимися в городе коллегами. Докладчик сообщает записку четырех добровольцев в пору 80летней годовщины снятия блокады. Написанная второпях, она нуждается в комментарии, целью которого является либо воскрешение частных семейных обстоятельств, либо упоминания недавними выпускниками любимого ими Театрального института. Несколько затруднительных моментов своего комментария докладчик надеется обсудить с знатоками ВОВ в СПБНИИ РАН.

Герд Лора Александровна

Имущества русских учреждений в Палестине в 1920-1930-е годы

В период с 1850-х гг. до 1914 г. в Палестине русскими учреждениями был приобретен ряд земельных участков, на которых были построены церкви, монастыри и гостиницы для приема паломников. Эти имущества, содержание которых осуществлялось на пожертвования из России, в начале XX в. принадлежали в основном Русской Духовной миссии в Иерусалиме, Императорскому Православному Палестинскому обществу и небольшая часть русскому генеральному консульству в Иерусалиме.

С началом войны прекратилось финансирование из России; к концу 1914 г. в Иерусалиме при русских имуществах оставались лишь некоторые священники и монахини, а также застрявшие в Турции паломницы. Мужчины либо покинули страну, либо были интернированы и отправлены в Восточную Турцию, а обширные здания русских учреждений были заняты турецкими войсками. В 1919-20 г. некоторые сотрудники Палестинского общества вернулись в Иерусалим, а с установлением британского контроля в стране имущества были взяты в аренду для размещения учреждений палестинского правительства. На арендную плату (поначалу через посредство испанского консула, а затем непосредственно колониальной администрацией) выплачивалось содержание русским в Иерусалиме.

После 1921 г. на имущества РДМ и ИППО претендовали несколько учреждений: Палестинское общество в эмиграции (с центром в Берлине и представителем в Иерусалиме); две ветви Русской церкви за границей, а с 1923 г. и советское правительство. Между тем средств для содержания обширных подворий катастрофически не хватало, и РДМ вошла в большие долги. В задачи администрации мандата входило сохранить имущества от продажи по требованию кредиторов и в то же время не допустить их передачи «в советские руки». Эмигрантские организации, как не имеющие официального статуса по нормам международного права, британские власти к управлению имуществами не допускали.

Многочисленные документы британского национального архива (МИД и Министерства по делам колоний), а также фондов архиепископа Кентерберийского (Ламбетский дворец) дают возможность детально проследить все действия разных сторон по поводу имуществ. Наибольший интерес здесь представляет юридическая сторона дела. Британское правительство применило к русским имуществам законодательство о благотворительных фондах и право доверительного управления. Поскольку русские учреждения были созданы с благотворительными целями, их собственность не могла, согласно выводам юристов, быть передана в руки заведомо атеистического советского правительства. До конца 1930-х годов, несмотря на неоднократные запросы, британский МИД не допускал советского представителя в Палестину для ревизии имуществ.

Ситуация коренным образом изменилась после 1943 г. С этого времени Ближний Восток, в том числе в Палестину, регулярно посещают советские представители, в задачи которых входило в том числе знакомство с состоянием русских имуществ. Из аналитических записок 1944-1946 гг. видно, что англичане, во-первых, рассматривали российскую политику на Ближнем Востоке как непрерывную, начиная с XVIII в. и до середины XX в., а, во-вторых, соображения религиозного характера, как-то сохранение имуществ от атеистической власти, или, наоборот, передача их в «советские руки», подчинялись чисто прагматическим политическим целям.

Друзин Михаил Викторович

***Съезды Уральских горнозаводчиков в 1880-1890-е гг.: как зарождалось
представительство интересов горной отрасли***

В отечественной историографии глубоко укоренилось представление о съездовских отраслевых организациях российских предпринимателей, которые начали появляться во второй половине 1870-х гг., а претерпели бум в конце XIX – начале XX века, как об инициированных самими предпринимателями

корпоративных сообществах, призванных защищать интересы отрасли перед лицом правительства. Однако такая характеристика верна не для всех съездов и зависит от региона и времени их возникновения. В докладе 1911 г. Осипа Аркадьевича Ерманского (Когана) (социал-демократа, одного из авторов пятитомного издания «Общественное движение в России в начале XX в»), посвященного анализу российских представительных организаций предпринимателей содержались в том числе сведения о том, что инициаторами создания некоторых из них, в том числе – съездовских, выступало российское правительство. Он приводит в пример создание съезда горнопромышленников Царства Польского в 1882 г., зачинателем которого выступил К. А. Скальковский, чиновник Горного департамента, и вообще разносторонне одаренный человек. В докладе не прозвучало, в каком качестве выступал Скальковский, но польские горнопромышленники прямо указывали на государственное происхождение своего съезда.

По официальной версии уральские заводчики 24 января 1880 г. подали ходатайство председателю Особой высшей комиссии для исследования железнодорожного дела графу Э. Т. Баранову с предложением созвать съезд уральских горнопромышленников для обсуждения вопросов развития промышленности края. Но если мы внимательно прочтем протокол этого первого съезда, то узнаем, что инициатива собрания уральских горнозаводчиков изначально принадлежала самому графу Баранову с целью сподвигнуть их на активное участие в железнодорожном строительстве. И уже на этом собрании представители 6 заводов решили собраться вновь для обсуждения других общеуральских вопросов, т. к. им понравился такой «формат». Первые съезды (1880, 1882, 1883) носили узкоспециальный характер, не представляли собой какую-либо корпоративную организацию, не отстаивали общеуральские интересы, а занимались только решением конкретных задач конкретных предприятий. Подтверждением тому служит следующий факт: в январе 1884 г. в Петербурге собрались несколько заводоладельцев и

главноуправляющих уральских и не только заводов и констатировали, «что главной причиной игнорирования интересов русской горнозаводской промышленности со стороны разных учреждений служит разрозненность самих заводчиков». Причину тому они видели в отсутствии организации или специальных представителей, которые бы отстаивали их интересы в правительственных департаментах. С 1883 по 1896 гг. съезды не собирались, на наш взгляд, именно потому, что съезд еще не представлял собой корпорацию уральских заводчиков. Его и не воспринимали таковой. Когда в конце 1895 г. по инициативе начальника Уральских горных заводов П. П. Боклевского созывался 4-й съезд и от ведомств собирались пожелания по программе съезда и возможном участии их представителей в работе съезда, то Министерство финансов полностью его проигнорировало, очевидно именно потому, что не видело в нем какой-либо серьезной работающей организации.

Постепенная институализация съезда как представительной корпоративной организации начала происходить только в 1896 г. В 1897 г. начал действовать печатный орган съезда – «Уральское горное обозрение». Появляется постоянно действующий орган — Совет Съезда. Но при этом в 1898 г. группа почти тех же заводчиков, что и в 1884 г. собирается и констатирует: «Особенность заводов Юга и Царства Польского в том, что они действуют всегда сплоченно, дружно, чего именно не достает Уралу.

Конечно, разбросанность на слишком большой территории заводских округов достаточно объясняют этот недостаток единения уральцев.

Между тем достигнуть более благоприятных условий производства и сбыта вообще, удовлетворения своих многочисленных нужд уральцы могли бы только путем соединения и энергичных усилий. Правда, в этом направлении начинают действовать съезды уральских горнопромышленников и избираемые ими советы, но они одни едва ли будут в состоянии сделать все необходимое, будучи удаленными от центра, где происходят все важнейшие события общего

характера, им всего скорее предстоит разбираться в массе вопросов чисто местного значения».

По сути, съезд начал выполнять свою объединительную и представительскую функцию после переезда места созыва из Екатеринбурга в 1904 г. Петербург, и то эта деятельность более-менее наладилась лишь в начале 1910-х гг. На наш взгляд, корпоративной солидарности уральских заводчиков мешало уральское разнообразие — географическое, климатическое, величина и успешность горнозаводских округов, их владельцев. Правительство, как инициатор создания отраслевых съездов в конце XIX в. вновь оказалось главным либералом, но из чисто практических соображений. Горному департаменту в определенный момент времени во второй половине XIX века стало сложно сводить частные ходатайства разных заводовладельцев, и было решено дать это согласование на откуп самим заводчикам под неусыпным контролем представителей министерства. И так начали появляться съезды, т. е. не как самоорганизовавшиеся единицы, осознавшие общность интересов и решившие их защищать, а как удобная форма министерского делопроизводства

Ефимов Андрей Александрович

Ошибки межевания частных владений жителей Петергофа 1880-х гг.

и их последствия

В Российской империи в XIX – начале XX столетия существовал ряд городских поселений, именовавшихся «дворцовыми городами»: Царское Село, Гатчина и Петергоф, где находились императорские загородные резиденции. Эти населенные пункты имели особый статус, находясь в ведении Министерства императорского двора. Неординарность положения делает изучение истории этих городов особенно интересным.

Источниковой базой настоящего исследования стал комплекс документов Петергофского дворцового управления МИДв, хранящийся в составе фонда 490 Российского государственного исторического архива.

Как уже отмечалось выше, дворцовые города находились на особом положении среди населенных пунктов Российской империи, поэтому в ряде случаев для них создавались специальные нормативно-правовые акты. При Александре III в середине 1883 г. регламентации подвергся и порядок подготовки и выдачи данных на объекты недвижимости, которые передавались дворцовыми правлениями в частную собственность.

Значительную проблему потенциально представляли ошибки при проведении обмеров участков. При этом, небрежности межевания зачастую не препятствовали выдаче владетельных документов, а сами ошибки могли быть выявлены спустя годы после оформления прав собственности и приводили к возникновению территориальных споров и выдаче со стороны Дворцового управления предписаний о переносе границ, сопровождавшихся в т.ч. указаниями о необходимости перестановки заборов и даже построек.

В отдельных случаях власти Петергофа признавали неспособность решить проблему с межеванием своей властью, обращаясь за разъяснением в вышестоящие инстанции Придворного ведомства, получая сверху указания о проведении контрольных обмеров спорных участков.

Отсутствие нормальных натурных планов создавало проблемы и при переходе права собственности к новым владельцам, когда проведение реальных обмеров приводило к подаче прошений об установлении правильных границ и о выдаче предписаний об устранении незаконных, как выяснялось, прирезок.

Некоторые собственники участков были осведомлены о несостыковках в обмере их участков (при этом, в числе владетельных документов у них планов не было (то есть, свидетельства и данные выдавались без приложения планов, а реальных обмеров на месте, возможно, даже не производилось)), поэтому регулярно обращались в Дворцовое управление с просьбами о производстве натурных контрольных обмеров участков и выдаче им планов. При этом, каждый из подобных обмеров выявлял ту или иную ошибку в определении площади земли, и приходилось или вносить отметки в ранее выданные во

владельческие документы, или прикладывать к ним планы с реальными обмерами.

Таким образом, несмотря на все старания высшей администрации, стремившейся к упорядочиванию системы оформления правоустанавливающих документов на недвижимые владения в дворцовых городах, на местном уровне явочным порядком отчасти сохранялось несерьезное отношение к вопросам кадастрового учета.

Жуковская Татьяна Николаевна

***В тени М.М. Сперанского: государственная и академическая
деятельность М.А. Балугьянского в России***

Имя М.А. Балугьянского (1769–1847), иностранца, приглашенного в Россию по академическому контракту, профессора политической экономии и первого ректора, преобразованного в 1819 г. С.-Петербургского университета, достаточно хорошо известно. В ходе университетских коммемораций фигура Балугьянского последовательно символизировалась. В 1874 г. на юридическом факультете С.-Петербургского университета была учреждена стипендия его имени. Бронзовый бюст первого ректора, подаренный его потомками, стал экспонатом университетского музея. Его портреты украшают галерею Двенадцати коллегий, коридор и зал заседаний Ученого совета юридического факультета СПбГУ, в 2010 г. по инициативе правительства Словакии на стене ректорского флигеля Балугьянскому была установлена мемориальная доска.

Однако в контексте происхождения, жизненного пути, академической и служебной карьеры Балугьянского в России феномен академического космополита, занявшего верхние ступени российской бюрократической иерархии, нуждается в дальнейшем изучении. Причины одномерных характеристик его университетскими историками отчасти заключаются в том, что Балугьянский покинул университет в разгар кризиса 1821 г., связанного с «делом профессоров», и не успел увидеть результатов своих трудов. Его

научные работы и лекционные курсы в это время не издавались, а позже потеряли актуальность для него самого. Их содержание можно реконструировать лишь приблизительно. Если архив М.М. Сперанского упорядочивался уже его ближайшими сотрудниками и наследниками, а задача его научного издания обсуждается в течение последнего столетия, то применительно к Балугьянскому такая задача даже не ставилась.

При этом М.А. Балугьянский как государственный деятель, идеолог и автор проектов все время оставался «в тени» М.М. Сперанского, работая в Комиссии составления законов, Втором отделении СЕИВК, и эта позиция была перенесена в историографию. Сугубо практической представлялась и его деятельность по Министерству финансов, что также не вполне справедливо, если учесть прямое и опосредованное влияние курсов лекций Балугьянского о финансах, налогах, государственной экономике на несколько поколений его учеников, как избравших ученую карьеру, так и ставших крупными чиновниками. Император Николай I был одним из его непосредственных учеников, пусть не самым подготовленным к восприятию теории прав и науки о финансах.

Назначенный в 1804 г. «редактором государственного хозяйства» в Комиссии составления законов, будучи высоко оценен ближайшими сотрудниками Александра I — Н.Н. Новосильцовым и П.А. Строгановым, Балугьянский становится вскоре начальником 4-го, а в 1812 г. 5-го отделения этой Комиссии, в 1822 г. старшим членом Комиссии, и до 1826 г. и преобразования ее во Второе отделение СЕИВК, фактически руководит работами по кодификации.

В 1810 г. Балугьянский работал в составе Комиссии финляндских дел, участвуя вместе с М.М. Сперанским в выработке конституционных норм для Великого княжества Финляндского. Одновременно с 1817 г. он являлся директором Комиссии погашения государственных долгов Министерства финансов. В 1820 – 1830-х гг. им готовились многочисленные проекты по

реформированию административного и финансового права, проекты аграрного законодательства. До начала 1830-х гг. он занимался редактированием проекта устава для Петербургского университета, оставшегося невостребованным.

С первых месяцев пребывания в России Балугьянский оказался в личном контакте с Н.Н. Новосильцевым как попечителем столичного учебного округа, другими членами Негласного комитета. Благодаря этим связям в 1814 г. он был приглашен преподавателем экономических наук к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Однако близость ко двору не облегчила положения университета и его самого во время «дела профессоров», не помешала фактическому отстранению от преподавания в 1821 г.

Благодаря своим широким познаниям и редкой работоспособности Балугьянский более сорока лет оставался незаменимым экспертом в области финансов и финансового права, участвовал в обсуждении многочисленных вопросов, в том числе касающихся изменения экономического положения крестьян, системы налогов, писал всевозможные записки и проекты, обсуждавшиеся в высших правительственных учреждениях и специальных комитетах. Ключевой была его роль в кодификации российского права, завершенной в николаевское царствование.

Некоторые важнейшие записки и проекты Балугьянского, главным образом, по финансовым вопросам, воплотились в действующее законодательство. По личному поручению Николая I он готовил некоторые записки по крестьянскому делу, участвовал в работе Секретных комитетов 1830-х — начала 1840-х гг., в разработке сословного законодательства в Комитете 6 декабря 1826 г., в подготовке реформы государственных крестьян. После окончания кодификационных работ Балугьянский был пожалован в потомственное российское дворянство; на его гербе была изображена цифра «15», по числу томов Свода законов, подготовленного при его участии. 31 декабря 1839 г. он назначается сенатором.

Обстоятельства жизни и службы Балугьянского, его семейная история отчасти объясняют тот факт, что его архив не существует как единый комплекс. Рассредоточенный между фондами государственных учреждений и в значительной мере утраченный, он так и не стал объектом систематизации и изучения.

По-прежнему актуальны не только современная реконструкция биографии этого выдающегося просветителя и государственного деятеля-иностранца в широком историческом контексте, но и приведение в надлежащий вид его захоронения в некрополе Троице-Сергиевской приморской пустыни в Стрельне.

Ильин Павел Владимирович

«Фигуры умолчания» в мемуарных документах

(на примере записок А. Ф. Багговута о 14 декабря 1825 г.)

Мемуарные записки генерала от кавалерии Александра Федоровича Багговута (1806–1883), ветерана ряда военных кампаний в царствование Николая I, племянника героя Отечественной войны 1812 г. К.Ф. Багговута, появились на страницах журнала «Русская старина» по воле автора только после его смерти, что, по всей видимости, обуславливалось их содержанием. Начинаются записки с событий 14 декабря 1825 г., описание которых содержит несомненные признаки умолчаний, преднамеренного сокрытия фактов и обстоятельств, с точки зрения автора, нежелательных для раскрытия, включает в себя слова и фразы, фиксирующие отказ мемуариста от описания определенных эпизодов, автохарактеристик, оценок действующих лиц. Вместе с тем А.Ф. Багговут не скрыл в своих записках факт собственного участия в событиях на стороне заговорщиков, что, учитывая последующую благополучную карьеру генерала, делает эти записки уникальным источником, содержащим признание автора в своей причастности к антисамодержавному выступлению в день воцарения Николая I. В докладе на основе как печатного

текста, так и рукописи записок, сохранившейся в архиве журнала «Русская старина», анализируется важная для источниковедческого анализа мемуарных документов проблема сокрытия автором неудобных для него, нежелательных (дискредитирующих) фактов и обстоятельств, рассматриваются использованные мемуаристом приёмы ухода от оценок действующих лиц и конкретных событий, в том числе слова-сигналы, призванные показать наличие скрываемого «слоя информации». На примере воспоминаний А.Ф. Багговута показаны способы обозначения «фигур умолчания» в мемуарных текстах, затрагивающих, в частности, политически острые и неоднозначные обстоятельства из прошлого создателя ретроспективного документа.

Исаев Сергей Александрович

«Этнография институций» в процессе создания Конституции США

1. Конституция США была выработана Конституционным Конвентом – собранием специально для этой цели выбранных представителей 12 штатов США, которое работало за закрытыми дверями 25 мая – 17 сентября 1787 г. в Филадельфии. Работа Конвента подробно документирована. Обсуждая возможность создания для США органов власти, формируемых определённым способом, делегаты Конвента всегда высказывали предположения о том, как стали бы действовать сенаторы, судьи, губернаторы штатов, президент США и другие носители власти, если их избирать или назначать предлагаемым способом. Это поле дискуссий я и называю «этнографией институций».
2. Высказывая свои предположения, делегаты Конвента обычно ссылались на действия сходным способом образованного органа власти, существовавшего в колониальный период или в первые годы независимых США (1776 – 1787), реже – на опыт Великобритании, ещё реже – третьих стран или государств древности.

3. Необходимость такой «привязки» создаваемых институций к особенностям американской политической культуры для делегатов Конвента разумелась сама собой. В целом их работа была успешной. Наиболее значимой частной неудачей был предложенный в 1787 г. порядок избрания президента и вице-президента США единым списком, с тем чтобы первый по числу поданных голосов кандидат стал президентом, второй – вице-президентом. Расчёт был на то, что народ будет голосовать за кандидата, которого считает наиболее достойным. На выборах 1796 и 1800 гг. это привело к избранию вице-президентов, находившихся в оппозиции к президентам, и уже в 1804 г. XII поправка ввела раздельное голосование за президента и вице-президента.
4. Уже в XIX в. «привязка» норм Конституции к американской политической культуре слабо осознавалась американцами, - особенно демократами, республиканцы были в этом отношении благополучнее. Иллюзорное представление, будто Конституция США – универсальный политико-юридический механизм, созданный гениальными политиками «на все времена всем народам», тогда как американцы первыми смогли освоить этот механизм, было и остаётся важным элементом мифа об американской исключительности.

Искюль Сергей Николаевич

Дипломатическая русско-французская дуэль начала XIX в.

Речь идет о дуэли, которая имела место в Неаполе между аккредитованными там российским и французским послами. В одной недавно вышедшей энциклопедии в статье об этом российском после сказано, что у него «чуть не произошла дуэль». В перечне приведенных в статье документальных источников автором приводятся только два, и оба представляют собою разные редакции послужные списков, в которых биографические факты такого рода обычно не упоминаются. Однако, документы российского дипломатического

ведомства подтверждают факт дуэли, а также факт некоторого резонанса этого события в правительственных и дипломатических кругах.

С российской стороны в дуэли участвовал князь С.Н.Долгоруков, вызвавший на поединок своего французского коллегу Жозефа-Александра Дюрана де Марёйля. Поводом к дуэли послужил инцидент на приеме в королевском дворце, когда француз, в стремлении занять лучшее место, отодвинул (оттолкнул, заставил переменить местоположение) рукой (боком, локтем, плечом) российского посла с занятого тем места.

Вызов имел место со стороны Долгорукова. Участники дуэли не оставили воспоминаний. Поэтому неизвестно, как был решен вопрос о секундантах, о выборе оружия и где именно произошла дуэль. Как бы то ни было, стороны были вооружены шпагами (рапирами), и это было вполне приемлемо, поскольку возраст всех участников вполне позволял держать шпагу: Долгорукову было 41 год, а Дюрану – 42.

Но эта дуэль была весьма необычна для XIX в., дрались не только указанные лица, но двое других, которые вызвались их поддержать при этом одновременно. За Долгорукова вызвался Константин Бенкендорф, секретарь российского посольства, за Дюрана – Реми-Жозеф Эксельманс, бригадный генерал. Таким образом, имела место четверная дуэль, которая была в обычае разве что в эпоху раннего Средневековья, когда одновременно выясняли отношения не только господа, но и их оруженосцы

Об исходе дуэли и о том, какое она произвела впечатление на современников будет рассказано в заключении.

Калюта Анастасия Валерьевна

Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов

Доклад посвящен научным подходам российских ученых к изучению общественно-политического строя и государственности науа,

господствовавшим в середине XVIII - начале XXI вв., изучением которых автор данного доклада занимался в течение прошедшего полугодия в рамках разработки темы «История изучения общественного строя накануне испанского завоевания». Данная тема является одной из составляющих работы над докторской диссертацией по теме «Общественный строй науа (ацтеков) накануне испанского завоевания».

Общественный строй науа, крупнейшей этнической общности Мезоамерики накануне прихода испанских конкистадоров во главе с Эрнаном Кортесом, и характер созданных ими государственных образований, в первую очередь так называемой «ацтекской империи», союза Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана – трех городов-государств долины Мехико – были и остаются предметом дискуссий российских историков, специализирующихся на исследовании доколумбовых цивилизаций Америки с начала XVIII в. Именно в этот период отрывочные и противоречивые сведения о доиспанском прошлом Мексики и Центральной Америки стали распространяться в отечественной исторической науке. На протяжении трех прошедших веков «ацтекскую империю» рассматривали то как феодальную монархию, аналогичную Священной Римской империи, то как деспотию, сходную с державами Древнего Востока, то как конфедерацию первобытных племен, не достигших уровня государства. Основной задачей моего исследования было выявление тех факторов, которые в каждом конкретном случае влияли на позицию исследователя. В результате проведенной работы было выделено два основных фактора, определявших представления отечественных исследователей об общественном строе науа накануне испанского завоевания и «ацтекской империи».

1. Общий уровень знания исследователем иностранных языков, в первую очередь классического науатля (ацтекского языка XVI-XVII вв.) и испанского, на которых написаны почти все первоисточники, необходимые для изучения общественного строя науа, теоретические взгляды исследователя на процесс

социальной эволюции и формирование государственности и качество материалов, использованных им в качестве источников. Рассмотренные в докладе отечественные публикации середины XVIII - начале XXI в., посвященные общественному строю науа накануне испанского завоевания, свидетельствуют, во-первых, об отсутствии у большинства российских авторов достаточного знания языков первоисточников и широком использовании их неточных и сокращенных на французский, английский и немецкий языки, что, приводило к многочисленным фактическим ошибкам.

2. Теоретические взгляды российских и советских исследователей на процесс общественного развития и формирование государства. Рассмотренные в докладе материалы свидетельствуют о крайне негативном влиянии на изучение общества науа и «ацтекской империи» накануне испанского завоевания марксизма, распространившегося в России на рубеже XIX-XX в. и получившего в советский период статус государственной идеологии.

Кантор Юлия Зораховна

Симфоническая политика. Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича: резонанс по обе стороны фронта

Исполнение Ленинградской симфонии Шостаковича в Великобритании, США, Мексике и Канаде (о премьерах в последних двух странах из этого списка практически нет информации в отечественной историографии), имело широкий резонанс не только в правительственных кругах и среди общественности и интеллектуальной элиты стран-союзниц СССР по антигитлеровской коалиции, но и в государствах - сателлитах гитлеровской Германии, что практически не известно в отечественной историографии. В частности, не смогли пройти мимо американской премьеры, осуществленной под управлением А. Тосканини, пропагандисты фашистской Италии, разразившиеся истерическими публикациями, свидетельствовавшими о силе произведенного политического эффекта. А исполнение Ленинградской

симфонии в Швеции дало недвусмысленный сигнал Финляндии о трансформации позиции нейтрального соседа в сторону внешнеполитического сближения с СССР и, таким образом, побудило финляндскую верхушку озаботиться пересмотром внешнеполитического вектора.

Ковалев Борис Николаевич

Особенности рассмотрения дел военных преступников в условиях хрущевской «оттепели»

В 1962 году в Новгороде прошел процесс над одним из палачей батальона «Шелонь» Гуревичем Григорием Моисеевичем (1906 – 1962). Судом было установлено, что этот преступник повинен в смерти более 200 человек, среди которых были женщины, старики и дети. Кроме многочисленных свидетелей на нем присутствовали десятки журналистов. Авторы районных газет акцентировали внимание читателей на конкретных преступниках, сидящих на скамье подсудимых. Центральные же издания всячески подчеркивали, что главные обвиняемые пока еще к ответственности не привлечены.

В условиях, когда в Западной Германии неонацизм представлял, по мнению советского руководства серьезную проблему, было решено этот судебный процесс вести не просто как суд над рядовым карателем и убийцей. Главным обвиняемым назывался генерал бундесвера Адольф Хойзингер. Во время войны он занимал пост начальника оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии. В апреле 1961 года его назначили председателем военного комитета НАТО в Вашингтоне. После этого Советский Союз стал активно добиваться его выдачи как военного преступника.

Накануне открытого процесса 15 февраля 1962 года капитаном КГБ, бывшим фронтовиком Василием Михеевым, был подготовлен специальный документ. Он назывался «План мероприятий по организации судебного

процесса в городе Новгороде над картелями Гуревичем и Ивановым и обеспечения общественного порядка в период судебных заседаний».

27 февраля 1962 года по Ленинградскому и Новгородскому радио вышли программы, посвященные началу судебного процесса «над злодеями-предателями гр. Ивановым и Гуревичем в г. Новгороде».

В режиме реального времени трансляция из зала заседания шла по громкой связи. Около громкоговорителей не смотря на зимнюю стужу, стояли сотни новгородцев, которые не смогли пройти в зал, располагавшийся в помещении дома культуры местной промышленности.

Публикации о ходе процесса выходили на протяжении месяца – как до него, так и после. Десятки людей откликнулись на них. Это были письма и телеграммы партизан, воевавших с карателями. Они выражали свое удовлетворение, что враг, с которым они боролись, получит заслуженное наказание. Немало было и посланий от родственников, друзей и соседей жертв гитлеровского палача. По сути, это были новые свидетели. Откликались на публикации в газетах и предполагаемые родственники жертв. Особое место занимали письма советских евреев, шокированных тем, что их соплеменник стал кровавым пособником гитлеровцев.

Таких писем было множество. 3 марта 1962 года все те люди, кто с вниманием следил за ходом процесса с большим удовлетворением прочитали: «В полдень военный трибунал Ленинградского военного округа вынес преступникам приговор. Принимая во внимание тяжесть совершенных Гурвичем и Ивановым преступлений перед советским народом, суд приговорил подсудимых Г. Гурвича (Гуревича) и Н. Иванова к высшей мере наказания – расстрелу.

Колоницкий Борис Иванович

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ (1917)

1. История гражданских войн является темой актуальной не только в научном отношении: большая часть вооруженных конфликтов после Второй мировой войны описывалась не как межгосударственные войны. При этом как минимум одна из противостоящих сторон нередко считала выгодным описать ситуацию как «гражданскую войну». Соответственно, вопрос о начале и завершении гражданских войн представляет практический интерес.
2. В этом отношении сложнейший комплекс военных, политических, социальных, этнических, сословных конфликтов, которые мы – очень неточно - называем «Российской гражданской войной» представляет особое значение. Известно, что вопрос о времени возникновения этой войны являлся и является дискуссионным. Дальнейшее развитие этой дискуссии может идти по двум путям: можно пытаться найти признанное определение гражданской войны и потом анализировать ситуацию с помощью этого понятия. Другой подход – изучить самосознание современников, и тут особенно важно исследовать историю интерпретации словосочетания понятия «гражданская война» и, особенно, историю его политического использования.
3. Изучение понятия «гражданская война» связано и с исследованиями представителей «кембриджской» школы, и с традицией изучения истории понятий. Вместе с тем, вряд ли настоящее исследование можно определить, как примыкающее к одному из этих направлений. В центре наших интересов не появление новых понятий политической философии или социологии, а многообразные случаи использования и интерпретации словосочетания – в той степени, в какой это связано с политической борьбой, поэтому мы продолжаем исследования революционного сознания и революционной политической культуры (Ю.С. Токарев, Г.Л. Соболев, Р. Стайтс и др.).

4. В качестве источников используются разнообразные словари, пропагандистские материалы, письма и дневники современников, занимавших различные политические позиции.
5. Термин «гражданская война», впервые встречающийся у Цицерона не был нейтральным политическим понятием. Термин получил новую жизнь после появления понятия «революция» (в его современном значении): слово «революция», нередко имевшее положительную оценку, противопоставлялось «гражданской войне». Но существовала и иная традиция использования понятия: в тираноборческой традиции власть тирана рассматривалась как застывшая гражданская война, а в этих условиях борьба против тиранов лишь меняла характер этого конфликта. В марксистской традиции гражданская война нередко интерпретировалась как высшая форма классовой борьбы, а классовая борьба в условиях капитализма рассматривалась как перманентная гражданская война.
6. В условиях мировой войны радикальные социалисты выдвинули лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Известно, что такой позиции придерживался и В.И. Ленин, хотя ее не разделяли некоторые большевики. Соответственно, и ситуацию, сложившуюся в России после Февральской революции лидер большевиков описывал как уже идущую гражданскую войну. Политические противники Ленина описывали его как «апостола гражданской войны». После Апрельского кризиса, который воспринимался частью современников как малая «гражданская война», использовать такую риторику было политически невыгодно, и Ленин меняет пропагандистскую тактику, обвиняя в провоцировании гражданской войны своих противников.
7. Накануне «дела Корнилова» (конец августа 1917 года) некоторые современники считали, что новый неизбежный политический кризис примет форму гражданской войны. Неудивительно, что этот кризис и

переживался как уже начавшаяся гражданская война, это было присуще авторам самых разных взглядов. Такая интерпретация событий очень важна для понимания политической борьбы осенью 1917 года.

8. После «дела Корнилова» Ленин отчасти возвращается к откровенному изложению своего понимания ситуации: гражданская война уже ведет. Нельзя, однако, полагать, что все видные большевики разделяли эту точку зрения: в подготовке гражданской войны они обвиняли своих противников, а свержение Временного правительства они рассматривали как средство предотвращения гражданской войны.
9. Исследование политического использования понятия невозможно без понимания тех эмоций, которое оно пробуждало. Особого внимания заслуживает страх перед гражданской войной, который испытывали многие современники. Этот страх использовался различными политическими акторами. Приходится констатировать, что страх перед гражданской войной не всегда является гарантией ее предотвращения.

Корчилава Алина Вадимовна

Исследование документов с помощью гиперспектральной установки

История исследования рукописных памятников естественнонаучными методами начинается еще в середине XX века. Обусловлено это активным развитием оптических технологий, изобретением лазера, а также активным изучением применения физико-химических методов касательно предметов культурного наследия.

В конце XX века начинается новый этап развития спектральных методов изучения рукописей, который связан с активным появлением цифровых приемников и матриц, а также с широким распространением светодиодных осветителей. В результате чего возник гиперспектральный метод исследования памятников письменности, который обладает определенными преимуществами, такими как компактность, относительная дешевизна оборудования,

мобильность, а также этот метод не требует отбора пробы от объектов исследования и является неразрушающим.

Съемку в гиперспектральном диапазоне также можно дополнить программной обработкой изображений, что приведет к большим результатам и позволит сравнивать снимки объектов в разных спектральных диапазонах, а также с применением различных численных методов обработки.

В нашей лаборатории на данный момент ведутся гиперспектральные исследования рукописных памятников по нескольким направлениям:

1) В области текстов это: выявление закрашенных, угасающих текстов и подрисовок к первоначальным эскизам, проявление водяных знаков, филиграней, представление нижних слоев палимпсестов, а также изучение поведения письма.

2) Спектральный анализ чернил и пигментов в комплексе с другими естественнонаучными исследованиями (например, ИК-Фурье спектроскопия)

3) Исследования состояния и изменений в бумаге и пергамена

В лаборатории также проводится анализ технических возможностей гиперспектральной камеры для выявления и визуализации угасающего и размытого текста, программного обеспечения для работы и обработки изображений, а также установки для дистанционного использования камеры.

Установка содержит вокруг камеры 8 блоков светодиодных панелей, которыми можно управлять через программное обеспечение на компьютере: регулируется интенсивность, угол освещения, а также включается ультрафиолетовое освещение. Сама установка подвижна по вертикали для выбора необходимого участка съемки объектов. Все эти характеристики минимизируют контакт с рукописью, что положительно сказывается на ходе исследования. Объекты для съемок были взяты из ЗЕС НИА СПб ИИ РАН. Перед каждым снимком проводилась калибровка с установкой точного баланса белого. Были получены гиперспектральные снимки, которые обрабатывались с использованием методики главных компонент.

После обработки снимков были получены существенно улучшенные изображения угасающего текста. Особенно эффективен метод для исследования мелких рисунков и текстов, поскольку позволяет увидеть незаметные обычному взгляду детали изображения.

Крылов Павел Валентинович

Посредническая дипломатия Святого престола в период Франко-голландской войны (1672 - 1678) в архиве СПБИН РАН из коллекции Н.П. Лихачёва

Начавшаяся с англо-французской военной операции против Республики Соединённых провинций весной 1672 г., к 1674 г. война превратилась в общеевропейский конфликт, в который были вовлечены Испания и Священная Римская империя германской нации, силы которой были представлены как непосредственно войсками императора Леопольда I, так и силами нескольких имперских князей. Документы папской нунциатуры в Испании из коллекции Н.П. Лихачёва (Фонд 9. картон 316. Ч.1.) относящиеся к 1670 – 1675 гг., в полной мере отражают беспокойство римско-католической иерархии масштабами конфликта и свидетельствуют о предпринимаемых Святым престолом посреднических усилиях.

Содержащиеся в архиве СПБИН РАН документы отражают несколько направлений деятельности папства.

Первая группа документов свидетельствует о том, что Святой престол весьма активно использовал институт апостолических нунциев в воюющих странах (в Австрии, Испании и Франции) для передачи предложений папы Климента X (1670 – 1676) о посредничестве. В случае отсутствия нунциатуры, например, в протестантской Англии, переговоры могли вестись находящимся в нейтральной Португалии нунцием с английским послом в этой стране. Папские дипломаты имели обыкновение мотивировать свои призывы к всеобщему миру необходимостью оказать помощь Речи Посполитой, которая в 1672 г. потерпела

тяжёлое поражение в войне с Османской империей, потеряла крепость Каменец и подписала позорный Бучачский мир, признав себя данником Порты.

Вторая группа документов показывает, что институты папской нунциатуры активно использовались государственным аппаратом воюющих держав для того, чтобы делать представления друг другу относительно совершения военных преступлений и проводить обмен пленными, что свидетельствует о неизбежном установлении подобия доверительных отношений между папским нунцием и соответствующим королевским двором.

Наконец, третья группа документов посвящена подготовке мирного конгресса в Нимвегене, открывшегося в 1675 г., и отражает собственные интересы Святого престола, который не забывал об упрочении римского католицизма в протестантских странах Европы.

Документы из коллекции Н.П. Лихачёва, демонстрирующие большую активность папства в роли международного миротворца, свидетельствуют при этом, что оно утрачивает самостоятельную роль в европейской политике, вольно или невольно превращаясь в надёжный канал обмена информацией между правительствами воюющих держав.

Куликов Сергей Викторович

***Понятие «конституция» в политическом дискурсе Российской империи
XIX – начала XX века***

1) Конституция в материальном (содержательном) смысле – совокупность основных законов любого государства, независимо от формы его правления. Это подразумевала французская модель конституционной реформы, т.е. модель, которая стала актуальной как для республиканского, так и для монархического режима Франции. В материальном смысле конституцией были уже Основные законы 1832 г.

2) Конституция в формальном (внешнем) смысле – совокупность основных законов, юридически ограничивающих главу государства. Поэтому в Англии конца XIX – начала XX в. не существовало конституции, так как там королева и король были ограничены парламентом не юридически, а фактически. Основные законы 1906 г. являлись типичной конституцией как в материальном, так и в формальном смысле.

3) В царствование Александра I под конституцией, согласно французской модели, понимали особый учредительный акт, по причине чего и появляется первый полноценный конституционный проект – Уставная грамота. В царствование Александра II под конституцией, соответственно английской модели, подразумевали создание высшего представительного учреждения. Попыткой реализовать английскую модель было создание Николаем II в августе 1905 г. законосовещательной Государственной думы.

4) По их происхождению конституции делили на а) договорные (пактированные), исходившие от воли народа, выраженной Учредительным собранием, причем монархи, в случае сохранения монархии, присягали соблюдать такую конституцию, и б) дарованные (октроированные), исходившие от монархов, которые в этом случае не всегда приносили присягу. Договорными были все конституции республик, начиная с Конституции США. Дарованными являлось подавляющее большинство конституций монархических государств, начиная с французской Хартии 1814 г., за исключением конституций Бельгии, Греции и Норвегии. Основные законы 1906 г. были октроированной монархической конституцией.

5) С конституцией ассоциировалась дуалистическая система, отсюда – представление о конституционной монархии в узком смысле слова. В данном случае конституцию связывали со взаимодействием трех факторов законодательной власти, а именно – монарха и верхней и нижней палат. Основные законы 1906 г. были дуалистической конституцией, причем это

признавали не только оппозиционные государствоведы, но и представители бюрократической элиты.

6) С конституцией ассоциировалась, также, парламентарная система, т.е. парламентаризм в узком смысле слова, что предопределяло представление о конституционной монархии в широком смысле слова. Из отсутствия в течение всего периода Думской монархии парламентаризма вытекало мнение о том, что в России 1906 – 1917 гг. не существовало конституции.

7) Для России начала XX в. являлся актуальным конституционализм монархический и дуалистический, а не республиканский и парламентарный, что и неудивительно – в Европе до 1917 г. было лишь три республики: Португалия, Швейцария и Франция. Парламентарная система функционировала только в пяти государствах мира, которыми были Англия, Бельгия, Голландия, Италия и Франция, причем Франция – являлась единственной парламентарной республикой, все остальные республики (прежде всего – страны Америки) принадлежали к числу дуалистических.

8) Конституция в России конца XIX – начала XX в. являлась понятием с плавающим содержанием, а потому понятие «конституция» было совместимо с самодержавием, поскольку самодержавие не отождествлялось с абсолютизмом. Под самодержавием понимали – а) внешний суверенитет, международную независимость государства, и б) внутренний суверенитет, т.е. юридическое и фактическое главенство царской власти в смысле ее независимости от народной воли. Наконец, под самодержавием понимали, особенно в 1915 – 1917 гг., в) дуалистическую систему. В этом смысле Основные законы 1906 г. можно считать самодержавной конституцией.

Подведем некоторые итоги. В материальном смысле конституцией были уже Основные законы 1832 г. Основные законы 1906 г. являлись типичной конституцией как в материальном, так и в формальном смысле, октроированной монархической конституцией, учредившей дуалистическую монархию, т.е. конституционную монархию в узком смысле слова. Поскольку в 1906 – 1917 гг.

самодержавие ассоциировалось с дуализмом, а не с абсолютизмом, то в этом смысле Основные законы 1906 г. были самодержавной конституцией. Поводы говорить о том, что в России 1906 – 1917 гг. нет конституции, давали три обстоятельства, а именно – 1) октроированный характер Основных законов 1906 г., 2) то, что царь не присягал конституции, и 3) отсутствие парламентарной системы. Кроме того, в дореволюционной России взамен понятия «конституция» употреблялись выражения «основные законы» и «основной закон».

Николай II и представители бюрократической элиты выступали за национализацию политического лексикона, вследствие чего отказывались от официального использования понятия «конституция». Национализация политического лексикона была характерна и для представителей общественной контрэлиты, которые два проекта конституции, подготовленные ими в 1904 – 1905 гг., называли «Основной закон». В январе 1906 г. II съезд Конституционно-демократической партии принял решение об установлении ее нового наименования – «Партия народной свободы», ссылаясь на то, что ее первое наименование, связанное с понятием «конституция», непонятно для народной массы.

Лапин Владимир Викентьевич

***Как служить инородцам? Представления властей о народах
Российской империи в контексте воинской повинности XIX–начало XX в.***

Даже на фоне стремительного прогресса боевой техники важнейшим показателем военного потенциала является численность войск, зависящая в первую очередь от людских ресурсов и от способности государства их эффективно использовать с помощью разных форм воинской повинности. Таковая в России до 1874 г. была построена по сословному принципу: дворяне формировали офицерский корпус, податное население поставляло рекрут для пополнения рядового состава. Военная служба играла роль социального лифта:

для простолюдина получение классного офицерского чина означало переход в «благородное сословие». На присоединяемых в XVI–XIX вв. территориях тем нерусским обитателям, которые оказывались включенными в податные сословия (часть татар и финно-угров Поволжья, карелы, коми) «брили лбы» наравне с псковичами, ярославцами и тамбовцами. Не уравненные в правах с крестьянами башкиры, калмыки, буряты, крымские татары, народы Кавказа и пр. формировали иррегулярные части, большинство которых по специальным указам собиралось в военное и распускалось в мирное время. Для минимизации побегов новобранцев и во избежание массовых волнений, рекрутчина на окраинах империи вводилась постепенно или от нее отказались вовсе. Поэтому до последней трети XIX века российская армия являлась действительно русской: подавляющее большинство нижних чинов были великороссами, малороссами и белорусами, что исключало возникновение при комплектовании регулярных частей существенных проблем, связанных с этнической неоднородностью населения. Небольшое число инородцев (к тому же давно являвшихся подданными русского царя) за длительный и фактически пожизненный срок службы без видимых проблем «переваривалось» русскими армейскими коллективами.

Ситуация коренным образом изменилась при создании массовой армии на основе закона от 1 (13) января 1874 года, который разрывал связь между сословной принадлежностью и обязанностью служить. В связи с этим «нерусскость» как социальный, сословный признак перестала избавлять от солдатчины. Правительству пришлось вырабатывать правила постановки под ружье миллионов подданных, ранее не просто освобожденных от обязательной военной службы, но даже не представлявших о возможности такого события в своей жизни.

До 1874 г. правительство интересовали только фискальные и административные вопросы, теперь подданный становился винтиком государственного механизма, что коренным образом изменяло отношение

власти к объектам, «свойства» которых приобрели государственное значение. Взгляд «через военную призму» предусматривал рассмотрение народов по следующим параметрам: физические кондиции, культурное развитие, склонность к военной службе, лояльность. Бросающееся в глаза разнообразие нерусских новобранцев в сочетании с неоднородностью службы в отдельных родах и видах вооруженных сил поставило вопрос об их распределении по таковым. Разница в требованиях к физическим, психологическим и умственным кондициям солдат отразилась в незатейливой прибаутке: «умный – в артиллерию, щеголь – в кавалерию, пьяница – для флота, а дурак – в пехоту».

Практика учета «природных свойств» новобранцев существовала в вооруженных силах России задолго до реформы 1874 года, но не носила массового и систематического характера. В 1840–1850-е гг. выходило многотомное «Военно-статистическое обозрение Российской империи», составленное офицерами Генерального штаба по стандартной схеме, предусматривавшей среди прочего характеристику населения обозреваемого региона («Племена, нравы и очерки быта», «образованность религиозная и умственная»).

Пожарный «из анекдота» на вопрос об отличии скрипки от виолончели будто бы ответил: «Виолончель дольше горит», что вполне соответствовало его профессиональному ракурсу. Военные пытались оценить физические и культурные свойства народов, населявших Россию, с точки зрения сложившихся в армейских кругах представлений о том, каким должен быть идеальный пехотинец, кавалерист, сапер и т.д. Неожиданным последствием рассмотрения инородцев через военную призму стало внимание и к свойствам русского населения с точки зрения его достоинств и недостатков. Этот феномен заслуживает отдельной специальной работы. Выработке единых правил воинской повинности для всей империи препятствовали большие социокультурные различия регионов, неодинаковая военно-стратегическая обстановка. Трудно было найти общий «военно-административный

знаменатель» для Эстляндии и Дагестана, для Мордовии и Казахстана. Наличие на сопредельной территории сил, способных под националистическими или религиозными лозунгами «смутить» подданных русского царя, также принималось во внимание (шведское влияние в Финляндии, турецкое – в Крыму и на Кавказе). Главным же следствием активности «военных этнографов» стало фактическое признание того, что империю населяют не просто православные, католики, протестанты и мусульмане, а люди, принадлежащие к разным этносам. Появление работ офицеров-«этнографов» означало огромный сдвиг в национальной политике империи с второй половины XIX- начала XX вв.

Лебедев Сергей Константинович

***Шифровки как элемент деловой переписки банкиров
конца XIX - начала XX в.***

Среди источников по международным финансовым отношениям конца XIX–начала XX в. важное место занимают телеграммы и деловые письма со скрытой информацией участников международных банковских групп, в которых участвовали и русские банки, ведомые С.-Петербургским Международным коммерческим банком (ПМКБ). Шифрованию подлежала коммерческая и политическая информация о деталях переговоров и о крупных сделках с займами России на денежных рынках. Зашифрованы были и сведения из области внутренней политики, и, например, о видах на урожай зерновых 1890 г. в России и в Западной Европе (там тоже ожидался недород и, соответственно, падение конъюнктуры – и эта последняя информация впервые стала распространяться в виде слухов именно в переписке крупнейших частных банков). Шифровки встречаются в основном в телеграммах, но также и в официальных и частных письмах банкиров, связанных с правительствами России, а также Франции и Германии, на денежных рынках которых размещалась основная масса русских ценных бумаг.

Как правило, банки использовали с каждым из корреспондентов отдельный шифр в течение года. Для консорциума банков разных стран, употреблялся единый шифр. Использовались книжные шифры, которые обладали повышенной криптографической стойкостью. Поэтому конкуренты и чиновники «черных кабинетов» разных стран старались найти используемую в шифровании книгу. Континентальные европейские банки могли использоваться немецкий шифр на фоне французского или русского текста и наоборот. Важнейшие имена и названия обозначались особо, например, министры финансов России обозначались словом Эмиль (Emil). Но в корреспонденции из-за границы встречается кодовое слово «здешний Эмиль», то есть министр финансов Франции или Германии. Проблема состоит в трудности прочтения телеграмм и писем банкиров, ввиду зашифрованности наиболее важных их частей. Дешифранты (расшифрованные списки слов в телеграмме или письме) встречаются редко в документах такого рода, и исследователю приходится обращаться к большому массиву архивных дел, собирая значения цифровых групп в посланиях каждого корреспондента. Все же далеко не всегда возможно расшифровать некоторые слова или целые телеграммы.

Мы обратились к зашифрованной корреспонденции ПМКБ с Ротшильдами с 1890-х гг. Отношения русского правительства и банков с Ротшильдами как наиболее широкой международной финансовой группой, способной эффективно размещать русские ценные бумаги на мировых денежных рынках, продолжались до конца 1917 г.

Лукоянов Игорь Владимирович

Без Витте: КВЖД в планах российского правительства после 1905 г.

1. Несмотря на неудачу в войне с Японией и невозможность обильного финансирования КВЖД как прежде (всё равно требовалось по 25 млн руб. в год), российская администрация предпринимала ряд мер, чтобы упрочить

российский контроль над дорогой. В частности, это вылилось в привлечении переселенцев в 1904-1906 гг. Правда, кампания оказалась малоуспешной.

2. Китай пытался ослабить влияние России на КВЖД. В ноябре 1905 г. в Пекине на переговорах о судьбе магистрали от России требовали ликвидации охранной стражи КВЖД. Однако Петербург устоял, помощь в этом ему оказал Портсмутский мирный договор (Япония не была заинтересована в росте китайских возможностей как на КВЖД, так и в Маньчжурии в целом).

3. Резкий поворот в действиях Пекина произошёл в конце 1906 г.: Китай снял большинство своих претензий к России в связи с КВЖД и пошёл на предоставление дороге ряда преференций, довольствуясь сохранением лишь административной и полицейской власти в Маньчжурии. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват был в восторге: «земельная [концессия] даст обществу значительные доходы, а лесная и угольная, представляя неисчерпаемые богатства, обеспечат дорогу материалом и топливом на всё время её существования». Такое изменение отношения Пекина к КВЖД объясняется боязнью японской экспансии и стремлением найти ей противовес.

4. Укрепив своё влияние на КВЖД, российское правительство задумалось о дальнейших перспективах дороги. Министр финансов В.Н. Коковцов во всеподданнейшем докладе «О коммерческой и тарифной политике Китайской Восточной железной дороги» 16 февраля 1907 г. отказался от двух излюбленных идей С.Ю. Витте – от планов экономической экспансии и приоритетного промышленного развития Маньчжурии. Сохраняя некоторые надежды на маньчжурский рынок для русских товаров, министр финансов больше полагался на транзитную роль Сибирской дороги для внутренних перевозок, а также, отчасти, на международный трафик (пассажиры, почта и некоторые дорогостоящие грузы). Доклад отличал реализм в оценках, он рассматривал КВЖД не как инструмент колониальной политики и часть мирового транзитного пути, а пытался связать магистраль с экономическими нуждами российских регионов.

5. Для оценки реальных экономических возможностей экс-министр финансов И.П. Шипов во второй половине 1907 г. совершил поездку на линию КВЖД, а весной 1908 г. обсудил её перспективы с российскими предпринимателями в Москве и Нижнем Новгороде. Встречи разочаровали. И.П. Шипов сообщил о них своему патрону так: «трудно выразить тот глубокий пессимизм, который в большинстве случаев высказывался по поводу настоящего и будущего нашего на Дальнем Востоке». Однако собеседники чиновника не настаивали на уходе России из Маньчжурии, но требовали прозрачности и эффективности коммерческой деятельности КВЖД.

6. В 1909-1911 гг. была проведена ревизия сенатора А.А. Глищинского, формально проверившая Иркутский и Приамурский военные округа, а на деле захватившая коммерческую деятельность КВЖД с момента её строительства. В специальной записке, посвящённой КВЖД, был выражен крайний скептицизм по поводу её экономической роли и предлагалось ограничить значение магистрали преимущественно защитой российских рубежей.

7. В 1912-1913 гг. в связи с Синьхайской революцией в Китае и образованием независимой Монголии (Халхи) Россия вновь пыталась вернуться к использованию железных дорог как инструментов политики. Особое совещание по монгольским делам под председательством иркутского генерал-губернатора Князева в 1913 г. признало необходимым строительство железной дороги через Монголию по образцу КВЖД. Такая дорога была призвана обеспечить за Россией монгольский рынок. Если же этот рынок «будет занят другими», то «нашему влиянию в Монголии будет нанесён ничем уже не поправимый ущерб». Эти оригинальные комбинации отличались от курса Витте прежде всего ставкой на силовые действия при признании важной роли экономических рычагов и при сокращении их размаха. Такая политика оказалась более реалистичной.

Мажуга Владимир Иванович

Liber Magistri и копирование комментированных текстов римского права в Болонье XIII в.

История такого важного явления в западном Средневековье, как стремительное развитие в XII и XIII вв. теории и практики гражданского права на основе Корпуса Юстиниана, до сих пор строилась преимущественно на прямых свидетельствах современников, содержащихся в многочисленных рукописях. В последнее время кодикологическое изучение рукописей, содержащих тексты римского права, позволило уточнить историю собирания, исправления и распространения этих текстов в XII столетии. Что же касается изучения того, как, собственно, шло развитие юридической мысли и как складывалась университетская традиция комментирования античных правовых текстов, то здесь дело ограничилось главным образом изучением и изданием отдельных трактатов. Более конкретное представление об этом предмете, однако, можно было бы получить на основе сличения глосс к одному тексту в ряде рукописей какой-либо особо показательной их группы. Но эта задача остается непосильной и для современных исследователей ввиду недостаточности инструментов для исследования такого сложного массового материала, и что касается, например, глосс к Юстиниановым Дигестам, то можно указать лишь два примера ограниченного по объему зондажа в работах Геро Долецалека и Ханса Ван Де Вау. Очередной такой зондаж представляет и предлагаемое вниманию коллег исследование, поводом для которого послужило знакомство с фрагментом начала XIII в. 34-й книги Дигест, хранящимся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН. Фрагмент является едва ли не самым ранним из сохранившихся до наших дней памятников ученого комментирования соответствующей части Дигест. Начало такому комментированию положил выдающийся правовед XII в. Рогерий. Именно его комментарии и представлены преимущественно в нашем фрагменте. Для определения места фрагмента в рукописной традиции все комментарии были сопоставлены с подобными же комментариями в четырех рукописях первой

трети XIII, две из которых хранятся в Бамбергской гос. библиотеке (Jur. 14; Jur. 15), одна в Австрийской национальной библиотеке (Cod. 2261) и одна в библиотеке Лейденского университета (Abl. 1).

Сопоставлены четыре типа глосс: (1) так называемые красные значки, которыми в пределах нескольких страниц размечался текст для первого уяснения его тематической структуры, (2) так называемые *allegationes*, содержавшие указания на параллельные места в Корпусе Юстиниана, и объяснительные глоссы двух видов. (3) Глоссы первого вида поясняют смысл некоторых положений и отдельных понятий и попутно вводят ограничения действия норм, выраженных в комментируемом тексте. Обычно они начинаются характерными словами *Scilicet*, *Secus*, *Nisi*. (4) Объяснительные глоссы второго вида содержат, собственно, разрешение (*Solutio*) тех противоречий, с которыми комментатор столкнулся, сопоставляя параллельные места, причем иногда здесь можно видеть след достаточно пространного ученого рассуждения в классе или университетской аудитории. Этот вид объяснительных глосс оказывается, таким образом, неразрывно связанным с упомянутыми *allegationes*. Именно второй вид объяснительных глосс тщательно воспроизведен в нашем фрагменте наряду с красными значками и *allegationes*, но простые объяснительные глоссы первого вида в нем полностью опущены.

Между тем именно последние, т. е. объяснительные глоссы в собственном смысле слова представляют особый интерес для понимания того, каков был порядок копирования одинаковых комментированных текстов римского права в Северной Италии первой трети XIII в. Нет сомнений в том, что эти глоссы в авторском оригинале были записаны главным образом между строк рядом с объясняемым местом в тексте. Автором же являлся во всех случаях какой-либо профессор права, пользовавшийся особым авторитетом у современников и у ближайших потомков, а сама рукопись, *Liber magistri*, после смерти автора могла храниться в университетской церкви, либо в городском соборе, если речь шла о каком-либо своде церковного права, или в иных хорошо известных в

университетском городе местах. При копировании многие межстрочные глоссы, или даже все без исключения, записывались на полях рукописи, но обычно часть их воспроизводилась вновь между строк. Во всех случаях глоссы, восходившие к рукописи-оригиналу, помечались сиглой их автора, т. е. первой буквой или сочетанием начальных букв имени автора в прописной и или строчной форме. Состав межстрочных глосс, содержащихся в трех из пяти исследованных рукописях, таков, что в каждой из них обнаруживаются межстрочные глоссы, отмеченные сиглой Рогерия, которые во всех других рукописях записаны на полях. Это наблюдение и ряд других приводит нас к выводу, что североитальянские копиисты XIII столетия систематически обращались к авторскому оригиналу, к *liber magistri Rogerii*, который хранился в Болонье.

Медведев Тимофей Дмитриевич

Истребительные батальоны НКВД Ленинграда и области в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Одним из элементов видоизмененной управленческой и как следствие — мобилизационной модели Советского союза стали истребительные батальоны НКВД. Созданные в самом начале Великой Отечественной войны они смогли «пережить» ее в качестве подразделений, применявшихся для решения самого широкого круга задач в различных регионах СССР. Их создание стало ответом советского руководства на угрозу десантов противника, массового использования которых ожидало военное командование и НКВД. Батальоны стали дополнительным силовым инструментом в руках советских органов госбезопасности для поддержания порядка в тылу. Однако важно подчеркнуть, что изначально первостепенной задачей батальонов была именно борьба с воздушными десантами и диверсантами.

Вместе с тем, в настоящий момент в историографии тематика, связанная с указанными частями изучена недостаточно полно, они во многом находятся «в

тени» более многочисленных и активно участвующих в тяжелых боях 1941 года дивизий народного ополчения. Представляется необходимым проанализировать методы управления, социальный состав и модели применения истребительных батальонов на территории Ленинграда и не оккупированных районов Ленинградской области, обращая особое внимание на деятельность указанных подразделений в период блокады города. В качестве источниковой базы предполагается использовать как документы непосредственно Ленинградского, так и центрального штабов истребительных батальонов. Среди них — отчетная документация различных уровней, переписка между командованием батальонов и руководством регионального штаба, уставные документы батальонов, анкеты бойцов, дневники военнослужащих. Весь указанный комплекс источников позволит всесторонне изучить тематику, связанную с повседневностью и боевой работой подразделений.

Миловидов Борис Павлович

Бюрократ как автор: кейс М. М. Сперанского

Одной из важных проблем в изучении документального наследия М.М. Сперанского является атрибуция созданных им проектов, записок, различных деловых бумаг. Установление авторства имеет в данном случае три аспекта: авторство рукописи как материального артефакта, авторство текста как такового (с учетом наличия множества писарских копий, не всегда авторизованных) и авторство изложенных в документах идей. Соотношение этих аспектов иногда весьма сложно, но важно для оценки наследия Сперанского как государственного деятеля, и, в частности, для публикации его сочинений.

Вопрос о авторстве ранних записок Сперанского становился неоднократно предметом внимания исследователей. Большинство историков приходят ныне к выводу, что Сперанский на раннем этапе своей карьеры он формулировал чужие идеи, и даже выполнял чисто секретарские функции. Результатом

совместного творчества Сперанского и Александра I является и план преобразований 1809 г. Поэтому кажется целесообразно было бы ставить вопрос о двойном авторстве. Но при таком подходе значительная часть сочинений Сперанского имела бы нескольких авторов. С другой стороны, идеи и формулировки проектов, принадлежащие Сперанскому, включались в позднейшие законодательные акты, к составлению которых он формального отношения не имел. Это наглядно показывает история серии документов, регулировавших работу Комитета министров в период отсутствия императора в столице в 1807-1815 гг.

В 1820-1830-е гг., когда Сперанский занимал крупные посты в системе государственной власти, ему приходилось участвовать в подготовке множества служебных документов, возникали другие проблемы.

Важной проблемой, на которую следует обращать внимание, является проблема коллаборации с другими крупными государственными деятелями, например с Е. Ф. Канкриным, с которым Сперанский активно советовался и полемизировал, составляя свои записки по финансовым вопросам. Более сложный случай представляет собой проект манифеста о гражданах 1826 г. Автором основных идей и первоначального текста был Канкрин, а Сперанскому принадлежит вводная и заключительная части документа, и глубокая редакция основной части, причем с учетом результатов обсуждения в Государственном совете. История подготовки этого документа показывает, что наличие в архиве М.М. Сперанского рукописи, даже имеющей вид чернового автографа, не гарантирует принадлежность ему авторства текста. Совместными с Д. В. Дашковым были и предложения по уточнению полномочий товарища министра юстиции. «Записка о Закавказском крае», имеющая черновой характер, является на самом деле частью проекта журнала Государственного совета, он подписан И. В. Васильчиковым. Но только частью. Имеет ли Сперанский отношение к остальному тексту журнала, непонятно.

Работа над проектами и записками позволяет сформулировать и более широкую проблему – проблему чиновника как автора, связанного определенным каноническими правилами оформления официальных текстов и служебными задачами. В данном случае очевидно, что роль творческого личного начала совершенно иная, по сравнению с автором художественных текстов. Все это усложняет критерии отбора текстов для публикации. Выяснить степень интеллектуального участия Сперанского в том или ином проекте не всегда возможно. Поэтому, как нам кажется, целесообразно ориентироваться на доказанную причастность Сперанского к работе над тем или иным текстом, оговаривая в каждом отдельном случае, по возможности, характер его работы и взаимосвязь текста с другими проектами и документами и их авторами. При этом остается вопрос, следует ли выбирать для публикации тот вариант документа, в работе над которым Сперанского мы можем проследить наиболее наглядно.

Михайлов Николай Васильевич

Подготовка «Хроники рабочего движения в России. 1895 – февраль 1917 г.». К истории научного проекта (1986-2008)

Повод для сообщения: подготовка сборника документов по истории СПБИН РАН.

В личном фонде Сергея Ивановича Потолова (сдаточная оп., дела 22.1-22.3) Научно-исследовательского архива СПБИН РАН сохранился значительный объем документов Ленинградской проблемной комиссии по подготовке «Хроники рабочего движения в России» (протоколы заседаний, программы и протоколы совещаний, конференций и семинаров, справки, отчеты, а также переписка в основном за 1986-1994 гг.). Для публикации был отобран «Протокол совещания сотрудников архивных учреждений Главархивов СССР и РСФСР и членов Ленинградской проблемной комиссии по подготовке «Хроники рабочего движения в России (1895-1917)» от 1 апреля 1987 г.,

дающий достаточно полное представление о характере и уровне этого научного проекта, ставившего целью сбор, систематизацию и обработку больших массивов документальной информации по истории рабочего движения в России.

Информация о совещании 1 апреля 1987 г. была подготовлена Е. Л. Варустиной и опубликована в журнале «Советские архивы» (1987. № 6. С. 95-96). Лист регистрации участников совещания в архивном деле не обнаружен, но сохранился рукописный список, составленный С. И. Потоловым, в котором перечислены 30 фамилий и помечено, что еще присутствовали 8 архивистов. Т.е. всего в совещании приняли участие 38 человек.

Подготовка «Хроники рабочего движения в России (1895-1917)» - один из самых крупных научных проектов советской эпохи, в котором принимали участие сотрудники центральных, республиканских и областных архивов СССР, крупнейших библиотек, музеев, высших учебных заведений и академических институтов. Решение о создании «Хроники» было принято 2 июня 1986 г. Главным архивным управлением при Совете министров СССР и дирекцией Института истории СССР АН СССР. В большинстве республик и регионов РСФСР были созданы рабочие группы по подготовке «Хроники».

Координация работы по Ленинграду и Северо-Западу РСФСР была возложена на Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. 26 июня 1986 г. состоялось учредительное заседание Ленинградской проблемной комиссии по подготовке «Хроники», в котором приняли участие свыше 30 представителей научных, архивных, библиотечных, музейных и вузовских организаций Москвы, Ленинграда, Новгорода и Пскова. Работу комиссии возглавил В. А. Шишкин, заместителем председателя комиссии стал С. И. Потолов.

Подготовку к изданию «Хроники» предполагалось осуществить в 1986-1993 гг., однако в связи с распадом СССР проект не был завершен. К 1991 г. удалось полностью закончить выявление источников только по периоду 1895-1904 гг., и

на их основе к 2008 г. были изданы 10 выпусков «Хроники» (Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I – X: 1895-1904 гг. М; СПб., 1993–2008). Информационный потенциал публикации и основные научные итоги работы над «Хроникой» были рассмотрены в статье И. М. Пушкаревой «Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX в.» (Отечественная история. 2007. № 2. С. 101-119) и коллективной монографии «Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX-XX вв.» (Отв. ред. И. М. Пушкарева». СПб.: Алетейя, 2011. – 476 с.).

Мошник Юлия Игоревна

«Появился в эфире оппонент...». Финская редакция Ленинградского Радиокomiteта и организация «диверсий» на финское радиовещание в период блокады Ленинграда.

Сообщение посвящено деятельности финской редакции Ленинградского Радиокomiteта в период блокады, а также практике контрпропаганды посредством «накладок» на радиопередачи финской радиостанции Лахти.

Осенью 1941 г. на Ленинградском радио был восстановлен сектор иновещания, существовавший в период с 1934 по 1937 гг. Финскую редакцию в Доме Радио возглавил майор Антти Хювёнен. Получасовые эфиры на финском и шведском языках выходили ежедневно. В декабре 1942 г. сотрудники финской редакции в сотрудничестве с инженерами Наркомата связи опробовали возможности осуществления контрпропаганды на каналах финского радиовещания. Идея заключалась в том, чтобы финноязычный ленинградский диктор, настроившись на волну канала «Лахти» и подключившись к эфиру мог комментировать или высмеивать слова финских журналистов, доводя до населения Финляндии и до солдат Сил обороны точку зрения советской стороны. Первый эфир с «накладкой», осуществленный 8 декабря 1942 г., шокировал финских радиожурналистов, которые были вынуждены прервать вещание. Очень скоро советские диверсии и

противодействие им финнами вылились в активную «радиовойну»: финны стали менять частоту вещания, затем перешли к плавному «качанию» частоты. В ответ журналисты Ленинградского радио разрабатывали контрмеры, подключаясь при смене частоты или создавая звуковые помехи финскому вещанию.

В качестве автора текстов «накладок» и диктора на первом этапе «радиовойны» выступал инструктор 7-го отдела Политуправления Ленинградского фронта Юрьё Линко, а затем майор того же отдела Армас Эйкия. Их работа требовала сосредоточенности и быстрой реакции, поскольку задача стояла в том, чтобы быстро и остроумно прокомментировать тезисы вражеской пропаганды в тот момент, когда было возможно подключение к эфиру (во время передач, трансляции музыки и перерывов). Основными сюжетами «накладок» были сообщения о победах советских войск, об успехах союзников в Африке, разоблачение «политики продавшихся Гитлеру Рюти – Маннергейма», выдержки из показаний финских военнопленных.

Большая часть «накладок» делалась на эфиры исключительно популярной у финских радиослушателей передачи «Почтовый ящик Яхветти», которую вел журналист Юрьё Кильпелайнен и в которой обсуждались самые волнующие население страны темы – от ситуации на фронте до цен на продукты и борьбы со спекуляцией. Советские «радиодиверсии» заставляли Кильпелайнена вступать с Эйкия в полемику, вызывавшую огромный интерес слушателей. Военнопленные финские солдаты показывали на допросах, что интерес к передаче «Почтовый ящик Яхветти» значительно возрос «потому что у него появился противник, оппонент, выступающий также на волне радиостанции Лахти. Оппонента называют... Армас Эйкия. ...Он известен повсюду в Финляндии».

Сообщение об организации радиодиверсий на финское вещания в период блокады Ленинграда опирается на документы из архива Ленинградского

Радиокомитета (ныне в собрании ЦГАЛИ СПб), а также воспоминания сотрудников финской редакции Ленинградского радио.

Муравьев Дмитрий Евгеньевич

Материалы фонда Б.И. Загурского как источник для изучения блокады Ленинграда.

Борис Иванович Загурский возглавлял Управление по делам искусств Ленгорисполкома (далее – ЛГИ) с 1938 по 1951 г. с небольшим перерывом. После начала Великой Отечественной войны он ушел добровольцем в Ленинградскую армию народного ополчения (далее – ЛАНО), демобилизовавшись по состоянию здоровья весной 1942 г. и снова возглавив Управление. В фонде 1117 (Б.И. Загурский) Отдела рукописей РНБ (далее – ОР РНБ) хранятся его личные документы, материалы, отложившиеся в результате служебной деятельности в Управлении.

Среди документов Б.И. Загурского отложилось много отчетной документации – справки о количестве действовавших театров, зрителей, сведения о денежных сборах, новых театральных постановках и сыгранных спектаклей.

В результате переписки с огромным кругом людей родилась значительная часть архива. Среди документов представлено большое количество писем рядовых представителей культуры и искусства. Письма тех лет отражают военные события, положение в тылу, творческую работу, обстоятельства личной жизни и настроение интеллигенции.

В фонде хранится служебная документация: удостоверения, справки, командировочные предписания, выписки из приказов. По ним можно установить важные биографические сведения: места прохождения службы и занимаемые должности, даты выездов на фронт, данные о ранениях и лечении в госпиталях, получении воинских наград, материалы о командировании.

Наиболее полным и содержательным источником по обороне и блокаде Ленинграда являются записные книжки. Б.И. Загурский записывал вопросы к подчиненным, партийным работникам, программы концертов, замечания к прослушиванию выступлений. Всего 11 записных книжек за 1942-1945 гг.: 5 блокнотов, 1 тетрадь, пачка билетов, маленькие календарные заметки и 2 небольшие записные книжки.

Архивные документы Б.И. Загурского в ОР РНБ являются уникальным комплексом документов по культуре в период блокады Ленинграда. Он включает в себя собранные в одном месте разного рода материалы по культуре Ленинграда в годы блокады, что делает фонд председателя Управления по делам искусств ЛГИ еще более ценным для исследователей блокады.

Мусаев Вадим Ибрагимович

Особенности немецкой оккупационной политики на Северо-Западе СССР в 1941–1944 гг.

В немецкой оккупационной политике на занятых советских территориях, в том числе и в Ленинградской области, с самого начала проявлялась известная двойственность и противоречивость. С одной стороны, борьба на Востоке имела идеологический и расовый характер, и местное гражданское население, якобы принадлежавшее к «низшей расе», к «недочеловекам», теоретически не должно было приниматься во внимание как общность, с интересами которой следовало хоть в какой-то мере считаться. Эти теоретические установки активно претворялись в жизнь на практике. Это выражалось в драконовском режиме, установленном на оккупированной территории, откровенном грабеже продовольственных припасов и другого имущества, насильственной высылке «остарбайтеров» в Германию, разрушении архитектурных памятников и расхищении культурных ценностей, жесточайших репрессиях при малейшем подозрении на нелояльность. Зверства, террор и грабежи на оккупированной территории санкционировались свыше и оправдывались идеологическими

постулатами нацизма. Однако, с другой стороны, практические потребности успешного ведения войны и осуществления хозяйственной политики на оккупированных территориях требовали порядка и спокойствия в тылу действующих армий и заставляли немецкие власти искать поддержки хотя бы части местного населения. Удерживаться исключительно на политике террора и устрашения было крайне сложно, безудержное насилие неизбежно вело к усилению недовольства населения оккупационным режимом, росту симпатий к советскому руководству и Красной Армии и создавало питательную почву для активизации партизанского и подпольного движения в тылу вермахта. С этим и были связаны некоторые мероприятия немецкой оккупационной администрации, которые с известной долей условности могут претендовать на некое подобие «конструктивности».

Укреплению авторитета новой власти должна была способствовать пропагандистская деятельность на оккупированной территории, ведению которой придавалось большое значение. Пропагандистской деятельностью в районе действий группы армий «Север» занималось «отделение пропаганды Б», которое подразделялось на более мелкие единицы – «пропагандистские ступени» (“Propagandastaffeln”), которые располагались в районных центрах на оккупированной территории. Суть пропаганды сводилась к заявлениям о необходимости уничтожения в СССР советского строя, создания национального государства под германским протекторатом, восстановления частной собственности и т. п. Одним из основных видов агитационно-пропагандистской деятельности было распространение газет и другой агитационной литературы.

К еще одному направлению оккупационной политики относилось создание новой системы школьного обучения. Вместо ликвидированных 2800 советских школ оккупационные власти организовали немногочисленные так называемые «народные» начальные школы. Идеологическая направленность обучения в школах характеризовалась антикоммунизмом и антисемитизмом.

Органы СД тщательно проверяли учителей. Строжайшей ревизии были подвергнуты учебники, из которых удалялись малейшие упоминания о советской власти и ее вождях. Осенью 1942 г. началось издание новых учебников на русском языке для школ области.

Одним из самых важных элементов немецкой «восточной» политики была аграрная реформа. Ее осуществление было призвано, с одной стороны, добиться более эффективных форм хозяйствования и позволить упорядочить снабжение вермахта и населения Германии сельскохозяйственной продукцией, а с другой, посредством введения на оккупированной территории единоличной собственности на землю добиться лояльности со стороны местного крестьянского населения. «Новый аграрный закон» от 15 февраля 1942 г. предусматривал переход к единоличному хуторскому хозяйству через ряд промежуточных этапов: общинное хозяйство и земледельческие товарищества. Высшая стадия аграрной реформы предусматривала создание независимых семейных фермерских хозяйств для тех, кто доказал свою надежность.

В общем и целом, германская оккупационная политика на Северо–Западе России, как и на остальной оккупированной советской территории, отличалась непоследовательностью, в ней постоянно просматривалось противоречие между сторонниками «жесткой» и «мягкой» линии. Некоторые мероприятия в течение определенного времени оказывались в известной мере эффективными, в частности, аграрная реформа и оказание поддержки возрождению религиозной жизни на занятых территориях. Действенность подобных «конструктивных» акций, однако, снижалась вследствие постоянного присутствия в нацистской политике ее «деструктивных» составляющих, среди которых прежде всего надо назвать отношение к завоеванным землям как к объекту для грабежа. Эффективность германской пропаганды сводилась на нет тем, что захватчики творили на деле. Налаживанию нормальных отношений с населением оккупированных территорий мешала и нацистская идеология с её проповедью расизма и русофобии. В результате даже та часть населения,

которая была проникнута антисоветскими и антикоммунистическим настроениями и готова была на первых порах поддержать оккупантов, позднее отворачивалась от них, испытав грабительскую и человеконенавистническую сущность нацистского «нового порядка». Влияние на перемену настроения населения районов, расположенных в немецком тылу, безусловно, оказывали и военные поражения вермахта, развеявшие миф о непобедимости германской армии.

Омельченко Дарья Михайловна

К проблеме перевода и интерпретации терминов *vermiculus* и *cinnabarin* в рецептурном сборнике «*Marrae Clavicula*»

Современный исследователь, решивший повторить древние технические рецепты, столкнётся с целым рядом трудностей. Одна из существенных – это нечёткость терминологии рецептурных сборников. Хорошей иллюстрацией могут служить термины, обозначавшие в Средневековье различные оттенки красного цвета. Не стал исключением и рецептурный сборник «*Marrae Clavicula*» и, в частности, наиболее полный его список, известный как MS Phillipps 3715. Его датируют XII в., а место составления вызывает споры. Большинство исследователей полагают, что это северная часть Европы. В настоящее время готовится комментированный перевод этого списка на русский язык.

Обратимся к двум терминам, характеризующим оттенки красного, – *vermiculus* и *cinnabarin*. Слова *vermiculus* или *vermilion* происходят от *vermes*, означающего *червячок, личинка, червец пурпурный, кошениль*. То есть названия пигмента изначально указывали на его животное происхождение. Пигмент изготавливали из самок кошенили (общее название нескольких видов насекомых отряда полужесткокрылых). Насекомых собирали в короткий промежуток времени, когда они готовы были отложить яйца, – в конце июня (обычно накануне Иванова дня). Их окуривали парами уксуса, высушивая на

солнце, а затем толкли в ступе. В результате выделялось вещество (кermесовая кислота ($C_{16}H_{10}O_8$)), которое и использовали для получения насыщенно-красного красителя. Другие варианты названия этого пигмента – карминовый, кermесовый, бакановый. В русском языке аналогами латинского *vermiculus* является слова *червлёный*, *червонный*, *червень* (красный и его оттенки в геральдике), также отсылающие к процессу получения этого цвета из насекомого. Такое явление в европейских языках не уникально. (Ср., например, франц. *vermiller* – искать червей и *vermillon* – алая краска).

В Европе в XII в. могли использоваться два вида кошенили: 1) дубовая кошениль (*Coccus ilicis*), или кermес средиземноморский (*Kermes vermilio*), обитает на особой разновидности дуба (Пех, или *Quercus coccifera*), растущего преимущественно в Испании, Южной Франции и Италии; 2) польская кошениль (*Porphyrophora polonica*), распространена в Польше, Германии, Швеции, Венгрии, России, обитает на корнях земляники и некоторых трав. Трудоёмкость процесса получения (сбор большого количества насекомых в короткий промежуток времени) и небольшое количество конечного продукта приводили к высокой цене пигмента. Он использовался, в основном, для окрашивания дорогих тканей.

Однако если мы прочтём один из рецептов «*Marrae Clavicula*», посвящённых *vermiculus*, то никакой кошенили мы не обнаружим: «О червлёном. Если желаешь приготовить червлёный, возьми стеклянную ампулу и обмажь снаружи глиной. Затем возьми одну меру ртути и две меры серы белого или шафранового цвета, поставь эту ампулу на три или четыре камня. Обложи ампулу по кругу горящими углями, огонь должен быть слабеньким; затем покрой её тоненькой черепицей. И когда увидишь, что из отверстия ампулы выходит голубой дым, накрой. И когда станет выходить дым шафранового цвета, снова накрой. И когда увидишь, что выходит красный дым, похожий на червлёный, тогда сними с огня, и будет у тебя в ампуле превосходный червлёный» (Рецепт i).

Фигурирующая в рецепте ртуть отсылает к ещё одному красному пигменту, который в MS Phillipps 3715 и других средневековых сборниках называется *cinnabarin*. На русский язык это слово переводится как *киноварь*. Пигмент киноварь получали путём измельчения одноимённого минерала, сульфида ртути (HgS). В Европе с начала нашей эры самым известным местом добычи киновари был Сисапо (соврем. Альмаден) в Испании. Однако в рецепте из «*Marrae Clavicula*», посвящённом киновари, никакого минерала нет: «О приготовлении киновари. Возьми 2 части чистой ртути и 1 часть самородной серы, положи в ампулу и, готовя без дыма и на медленном огне, сделай киноварь. Промой как следует». (Рецепт 105). То есть перед нами синтетическая киноварь. Впервые в латинской литературе получение киновари путём соединения ртути и серы описано в VIII в. Рецепт содержится в сборнике греческого происхождения «Смеси для окрашивания» («*Compositiones ad tingenda*», Lucca MS 490). Историк химии Д. В. Томпсон заметил по этому поводу: «Искусственная киноварь была самым важным средневековым дополнением к палитре классической

Павлов Андрей Павлович

Дворянство Заокских городов в Смутное время и в годы царствования Михаила Романова: интеграция в московский двор

В историографии давно отмечено активное участие провинциального дворянства и, прежде всего, дворянства южных и западных окраин в событиях Смутного времени. Особенно активно проявили себя в Смуту дворяне Заокских городов (Алексина, Белева, Болхова, Воротынска, Калуги, Карачева, Козельска, Лихвина, Медыни, Мещовска, Мосальска, Новосили, Одоева, Перемышля, Серпейска). Эти города находились в центре событий Смутного времени, большинство из них лежало в полосе наступления на Москву армий самозванцев и Болотникова.

На первых этапах Смуты дворянство юго-западных городов приняло участие в антиправительственных выступлениях — поддержало Лжедмитрия I во время его похода на Москву, выступало в рядах армии И. И. Болотникова. Однако впоследствии, в середине ноября — начале декабря 1606 г., оно отошло от повстанческого движения и перешло на сторону правительственного лагеря.

Произведенная нами, по данным писцовых книг 20-х – 40-х годов XVII в. и книг Печатного приказа, реконструкция состава московских осадных сидельцев при царе Василии Шуйском показала, что наиболее многочисленную группу уездных дворян, сидевших в осаде на Москве, составляли помещики Заокских (Верхнеокских) городов (из Алексина – 87 чел., Белева – 57, Болхова – более 16 чел., Воротынска – 48, Калуги – 43, Карачева – 58, Козельска – 83, Лихвина – 31, Медыни – 24, Мещовска – 54, Новосили – 4, Одоева – 4, Перемышля – 5, Серпейска – 21), а также дворяне из территориально близких к этим городам новых городов, поставленных «на поле» в XVI в. (из Орла – 9 чел., Мценска – 33 чел., Кром – 1 чел., Черни – 3 чел.) – всего 580 человек, что составляет почти 40% от общего числа уездных дворян, осадных сидельцев (1570 чел.).

Большинство дворян юго-западного региона, бывших осадных сидельцев, оставалась на московской службе и после свержения царя Василия Шуйского. Оторванные от своих имений и родных мест, несшие длительное время службу в столице, а не местную городовую службу выходцы из дворянства «украинных городов» начинали активно втягиваться в общерусскую политическую борьбу.

Значительную долю среди дворян, участников посольства под Смоленск к королю Сигизмунду в сентябре 1610 г., составляли представители Заокских городов (Козельска, Болхова, Мещовска, Белева, Серпейска, Алексина, Тарусы, Калуги, Воротынска, Лихвина, Карачева, Медыни).

Дворянство Заокского края приняло активное участие в земском освободительном движении 1611–1612 гг. Так, по данным сохранившегося списка служилых людей полка кн. Д. Т. Трубецкого (ноябрь 1611 г.), среди

участников I ополчения заметную долю составляли дворяне Заокских городов — Алексина, Козельска, Медыни, Мещовска, Лихвина.

Являвшиеся наиболее мобильной и политически активной частью дворянства, дворяне «украинных» городов, в том числе дворяне Заокского края, приняли активное участие в деятельности избирательного земского собора 1613 г.

Службы дворян Заокских городов в Смутное время не остались не отмеченными правительством царя Михаила Романова. Многие городовые дворяне, активно проявившие себя в событиях начала XVII в., были пожалованы в московские дворяне. При этом наиболее интенсивно состав столичного дворянства пополнялся представителями южных и юго-западных «украинных городов». За период с 1613 г. по 1626 г. мы имеем сведения о пожаловании в «московский список» около 350 выходцев из городского дворянства. Самую многочисленную группу среди них (84 человека) составляли дворяне Заокских городов (из Алексина 8 чел., из Белева — 8, из Болхова — 3, из Воротынска — 3, из Калуги — 7, из Козельска — 15, из Лихвина — 4, из Медыни — 5, из Мещовска — 17, из Серпейска — 13).

Пожалованные, благодаря своим служебным заслугам, в «московский список» и утвердившиеся при дворе бывшие городовые дворяне стремились продвинуть в состав дворовых чинов (в жильцы, стряпчие и патриаршие стольники) своих сыновей, племянников и младших братьев, которые со временем делали дальнейшую придворную карьеру. Некоторые выходцы из юго-западного дворянства пробились впоследствии в высшие эшелоны власти — мещовские дворяне Стрешневы, болховичи Данила Иванович и его сын Илья Данилович (тесть царя Алексея Михайловича) Милославские, алексинцы Хитрово и др.

Пиотровская Елена Константиновна

«Судьба золотой византийской медали (монеты), описанной в бумагах митрополита Евгения Болховитинова, и ее связь с нумизматическими коллекциями Н.П. Лихачева и Государственного Эрмитажа»

В бумагах митрополита Евгения Болховитинова, часть которых находится в составе коллекции Н.П. Лихачева, сохранилось описание одного редкого византийского артефакта (золотой медали или монеты). Предмет был обнаружен при стечении случайных обстоятельств на территории одного из древнейших мест Средневекового Киева на Подоле в сентябре 1823 г.

К сожалению, судьба этой, как теперь уже точно установлено, монеты, сложна и полна многих загадок. Главный вопрос заключается в определении и отождествлении изображений, а также прочтении надписи, сохранившей имя императрицы. Кроме того, необходимо установить, по возможности, на основании дошедшей архивной и музейной документации современное состояние и место хранения монеты. И если первый вопрос теперь имеет ясность – монета связана с правлением не Евдоксии, супруги византийского императора Аркадия, жившей в IV- нач. V в. (как предполагал митрополит Евгений), а относится она ко времени XI в., и на ней изображена императрица Феодора, одна из трех дочерей Константина VIII (1025-1028). В нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа сохраняются несколько экземпляров подобных золотых монет. Известны история приобретения и поступления большинства из них в музей. О двух же экземплярах сведений меньше, но точно известно и зафиксировано, что один поступил из коллекции Н.П. Лихачева во время передачи бесценных материалов его собраний в 1938 г. в различные учреждения нашего города. Но какой из двух мог быть связан с научными изысканиями митрополита Евгения? Исследования продолжаются.

Проничева Карина Вадимовна

«Русская изба» на всемирной выставке 1867 г. в Париже

Всемирная выставка 1867 г. в Париже была четвертой по счету и второй для Второй империи. Опираясь на опыт предшествующих выставок, выставка 1867 г. внедрила ряд новых идей, которые заставляют некоторых исследователей считать ее «самой важной выставкой XIX в.». Среди этих нововведений — новая классификация экспонатов (не по происхождению сырья и техникам его обработки, а по отраслям и сферам применения продукта), новая структура выставочного здания (предложенная инженерами Ж.-Б. Кранцем и Г. Эйфелем), ретроспективы (история труда, история искусств и др.) с древнейших времен до конца XVIII в., внимание к «настоящему положению рабочих классов» и забота о «воспитании души нации» (современники писали, что выставка 1867 г. «втянула совершенно новый мир в область выставок» и предоставила «богатый материал для наблюдений и исследований социолога»), этнографический аспект и др. По всей видимости, на стыке размышлений о положении рабочего класса и изучения «истории прогресса» разных искусств и ремесел и родилась идея организаторов представить на выставке образцы народных жилищ разных стран.

Кроме того, всемирная выставка 1867 г. впервые вышла за пределы одного выставочного здания и заняла и некоторые другие кварталы города. Теперь экспонаты не были собраны под одной лишь крышей Хрустального дворца или Дворца промышленности: выставка насчитывала около 200 павильонов, которые зачастую сами являлись экспонатами, как, например, «этнические павильоны» (египетский храм, китайская пагода, английский коттедж, голландский дом, американское ранчо, тирольское шале, русская изба и др.). Часть этнических павильонов относилась к выставочному общепиту: это были кафе и рестораны, где можно было попробовать кухню всего мира (действовал в том числе и «русский ресторан» с имевшей большой успех подавальщицей Авдотьей в сарафане и кокошнике); часть же — образцы народных жилищ, относившиеся к ретроспективе «История жилищ». Это «сперва этнография, а потом машины» отметил и побывавший на выставке Д.

И. Менделеев, отчего, по его мнению, выставка «получила особый характер, какого не имела до сих пор ни одна выставка промышленности».

Среди русских построек в парке на Марсовом поле (место проведения выставки) член Вольного экономического общества А. И. Ходнев называет русскую избу, конюшню для лошадей с императорских конных заводов, помещение для экипажей и конской сбруи, киргизскую юрту, якутскую урассу и справочную контору: «Как во дворце, так и в парке, все наши постройки были деревянные с резьбой и имели характер русской национальной архитектуры». Русская изба, построенная по заказу Министерства государственных имуществ лесоторговцем В. Ф. Грозовым, отправленная в Париж в разобранном виде и собиравшаяся на Марсовом поле настоящими русскими плотниками-костромичами, стала одним из главных экспонатов русского отдела. Доклад посвящен истории появления на всемирной выставке 1867 г. русской избы: от возникновения идеи до отзывов на избу в парижских выставочных изданиях. Доклад подготовлен на основе материалов РГИА, официальных выставочных изданий и материалов периодической печати.

Проскурякова Мария Евгеньевна

Учащиеся и выпускники остзейской гарнизонной школы в 1730-е годы

Систематическая профессиональная подготовка служащих нижних чинов для полевых и гарнизонных полков началась на рубеже 1710–1720-х гг. с введения в гарнизонах занятий по русскому языку, арифметике и пению для драгунских и солдатских сыновей. В 1719 г. был обнародован указ об обучении малолетних детей с последующим определением выпускников в полки, а также канцелярии. Власти систематически подтверждали решения 1719 г. указами 1721, 1726 и 1731–1732 гг. Значимые изменения в законодательстве произошли в начале 1730-х гг., когда были кодифицированы нормы, на основании которых с начала 1720-х гг. вели работу образовательные центры при гарнизонах. Указы

1731 и 1732 г. закрепили за учебными заведениями статус гарнизонных школ и определили порядок зачисления в них детей. Одновременно были утверждены правила их обучения и содержания. Наконец, законодатели начала 1730-х гг. опираясь на опыт предшествующего десятилетия, скорректировали задачи образования. В гарнизонных школах следовало вести профессиональную подготовку строевых и нестроевых служащих нижних чинов для армии. Между тем определение выпускников на службу к гражданским делам запрещалось.

В исследовании в фокусе внимания находится история службы унтер-офицеров, солдат, музыкантов и их сыновей. Проанализированы результаты работы гарнизонной школы при Ивангородском пехотном полку, расквартированном в Выборгской крепости. Военная часть была размещена в Выборге в 1710 г., и вплоть до 1744 г. входила в состав местного гарнизона. Изучены списки служащих Ивангородского пехотного полка Выборгского гарнизона, составленные в ходе смотра 1735 г. Смотровые списки – это вид учетного документа, в котором в установленной последовательности фиксировались данные о служащих воинской части во время ее инспектирования.

В 1735 г. численность служащих в Ивангородском полку составляла 1241 человек, включая 29 офицеров и 1212 унтер-офицеров и рядовых. Анализ смотровых списков за 1735 г. позволил сопоставить уровень грамотности «солдат» и «солдатских сыновей». Из 1241 только 70 человек умели читать и писать. Следовательно, процент грамотных служащих в Ивангородском полку составлял 5.64 %. Уровень грамотности служащих нижних чинов был крайне низким: всего 46 человек, или 3.8 %. 17 человек из них являлись сыновьями военнослужащих Выборга и Кексгольма. По состоянию на 1735 г. они занимали шесть унтер-офицерских должностей (сержант, трое каптенармусов, двое подпрапорщиков), один служил комиссарским подьячим, пятеро были ротными писарями, трое – мушкетерами, двое – барабанщиками.

Установлено, что военное командование в Выборге прилагало усилия к тому, чтобы местные полки комплектовались служащими, происходившими из военных семей, и прошли профессиональную подготовку в гарнизонной школе. Исследование данных о родственных связях внутри сообщества выборгских гарнизонных служащих доказало, что одним из путей формирования военного сословия в России 1720–1730-х гг. стало зачисление солдатских сыновей в гарнизонные школы с последующим определением выпускников на службу в гарнизонные же полки.

Пянкевич Владимир Леонидович.

Сны и мечты жителей блокадного Ленинграда. 1941-1944 гг.

Сны и мечты жителей блокадного Ленинграда свидетельствуют о страстно желанном, иллюзорном, и одновременно наиболее важном. Применительно к истории блокады это имеет особый смысл, поскольку представляет собой исследование страхов, стремлений и надежд человека в катастрофе.

Снам и мечтаниям в истории посвящено совсем немного исследований, которые находятся в предметном поле литературоведения, социологии, психологии, психоанализа. Источниками изучения таких форм общения и автокоммуникации являются рефлексии, зафиксированные в дневниках, письмах, воспоминаниях, интервью.

В сообщении анализируются основные сюжеты, черты, особенности динамика изменения снов и мечтаний блокадного времени. Основным их содержанием была пища. Из-за постоянных авианалетов и артобстрелов блокадникам было трудно, подчас невозможно уснуть, хотя главной причиной нервного напряжения и бессонницы был мучительный голод. Тем же, кому удавалось уснуть, часто снились «пищевые» сны. Чтобы преодолеть щемящее одиночество и стресс ленинградцы рассказывали друг другу о своих снах,

которые были светлым мигом покоя. Любимым занятием, «наслаждением» многих стало предаваться мечтам. Особенно часто говорили и безудержно фантазировали о еде дети.

Воображение рисовало картину покоя и сытости либо за пределами географических границ города, либо за пределами границ времени. Блокадная действительность оказалась столь тяжелой, невыносимой, что мирная жизнь стала представляться временем чудесным, сказочным. Совсем недавно нежеланная, представлявшаяся ненужной эвакуация стала важной темой разговоров и мечтаний, виделась едва ли не единственным способом избежать смерти. Ленинградцы постоянно мечтали о снятии осады, окончании войны, надеялись, что близкие будут живы. В документах блокадников практически нет свидетельств о страшных, кошмарных снах. Кошмаром была явь.

Опасность, часто практическая невозможность эвакуации переносила физическое перемещение в пространство сна и мечты, где только и мог «действовать» блокадник. Такой эскапизм позволял человеку избежать тирании блокадной реальности. Очень личное, приватное пространство, мечты с началом войны и особенно блокады сжалось до очень ограниченного круга, главными в котором были пища и снятие осады. И то и другое бесконечно долго, часто до смерти, оставалось недостижимым. Мечта поддерживала, приходила на помощь, становясь психологической опорой, утешением, а стремление осуществить, вера в ее исполнение придавали силы.

Раздорский Алексей Игоревич

**Всеподданнейшие донесения губернаторов и генерал-губернаторов
Российской империи 1760–1790-х годов как исторический источник**

Ежегодные всеподданнейшие губернаторские отчеты XIX — начала XX в. хорошо знакомы исследователям. Значительно меньше известны подобные документы второй половины XVIII в. Эти источники, которые именуются чаще всего «донесениями», реже — «рапортами» и «докладами», хранятся в РГАДА

в фонде 16. Всего по описи указанного фонда выявлено 144 документа данного типа.

Подавляющее большинство рассматриваемых документов относится к периоду царствования Екатерины II, в трех делах имеются донесения, относящиеся к царствованию Павла I и еще одно донесение датировано 1803 г., то есть относится к первым годам царствования Александра I.

Содержащаяся в донесениях информация относится к 50 губерниям и областям, существовавшим в Российской империи в 1760–1790-е годы, а также к Санкт-Петербургу и Москве. 72 донесения поданы губернаторами, 2 — главными командирами (должность, эквивалентная губернаторской, в Новороссийской губернии в 1760-е годы) и 5 — должностными лицами, замещавших губернаторов в их отсутствие (в том числе 2 — вице-губернаторами). 7 отчетов о состоянии Московской губернии представлены московскими главнокомандующими. Каждый из этих документов содержит сведения о какой-либо одной губернии. 57 донесений поданы генерал-губернаторами. Из них 6 документов включают сведения только об одной губернии, остальные — об объединении из нескольких губерний, подведомственных данному генерал-губернатору.

Дела, содержащие всеподданнейшие донесения губернаторов и генерал-губернаторов, существенно разнятся между собой по объему и насчитывают от двух до нескольких тысяч листов. Наиболее объемные дела состоят из нескольких частей, количество которых может достигать девяти. Донесения генерал-губернаторов в целом подробнее и пространнее донесений губернаторов.

Состав отчетных документов генерал-губернаторов и губернаторов, хранящихся в фонде 16, не является исчерпывающе полным. В корпусе источников имеются лакуны, которые могут быть весьма значительными. Так, например, по Нижегородской губернии отсутствуют губернаторские донесения за 20 лет (с 1771 по 1791 г.).

В 1760–1770-е годы генерал-губернаторы и губернаторы подавали донесения на высочайшее имя от случая к случаю. Сроки представления этих документов не были регламентированы. В 1780–1790-е годы всеподданнейшие донесения следовало в обязательном порядке представлять два раза в месяц. В большинстве таких документов лишь констатируется факт отсутствия в течение отчетного периода каких-либо событий, достойных высочайшего внимания.

В своих донесениях генерал-губернаторы и губернаторы сообщали о разного рода чрезвычайных ситуациях (пожары, наводнения, эпидемии и др.), о численности гражданских и военных чинов в губернии, о поступлении различных сборов в казну, о размерах недоимок, о движении населения, о ходе рекрутского набора, о числе арестантов («колодников»), об урожаях, о назначении дворянских съездов, о получении известий о рождении членов императорской фамилии и др.

Всеподданнейшие донесения генерал-губернаторов и губернаторов екатерининского времени существенно отличаются от ежегодных губернаторских отчетов XIX — начала XX в. Донесения, составленные в 1780–1790-е годы, представлялись не реже 24 раз в год, но при этом они, как правило, весьма кратки, большинство из них носит сугубо формальный характер. В этом отношении всеподданнейшие донесения указанного периода в какой-то степени обнаруживают сходство с еженедельными записками, представлявшимися губернаторами министру внутренних дел в 1860–1880-е годы.

Рогозный Павел Геннадьевич

«Паломническая» поездка местных советских и партийных чиновников на поклонение мощам в Нилову пустынь в 1920 году

Про то, что большевики или называющие себя «большевиками» венчались в церкви, исполняли некоторые обряды, держали дома иконы, хорошо известно, это была не широко распространённая, но обычная практика.

Но вот о поклонении мощам со стороны большевиков в годы Гражданской войны, тем более массовом, кроме одного случая я не знаю.

Летом 1920 г. в «Тверской правде» появилась небольшая заметка о том, что в день обретения мощей «экс-преп[одобного]» Нила осташковский Уисполком со «всеми советскими учреждениями» объявили этот день нерабочим в честь «местного религиозного праздника». Местные чиновники «поехали помолиться» в Нилову пустынь, находившуюся в 7 верстах от Остаškova на пароходах. Автор задавался вопросом, неужели «Осташковские тов. коммунисты до сих пор верят в религиозные предрассудки?» На следующий день в этой же газете появилась уже расширенная статья от очевидца и участника данного «паломничества», «товарища Бондаренко». Сам Бондаренко, очевидно, поехал вместе со всеми, чтобы впоследствии разоблачить «местных коммунистов».

В этой статье он недоумевал: «Не удивительно было бы, если бы это празднование исходило со стороны верующих, но в этом-то и кроется собака, что инициатива исходила из советских учреждений, и насколько удалось установить, главным образом от отдела труда». Для такой поездки в этот день все пароходы и баржи, предназначенные для перевозки дров, «перевозили попов, молящихся и местных праздновавших “коммунистов” в Нилову пустынь». Также власть разрешила крестный ход в Нилову пустынь, а из Твери «специально был выписан» Тверской архиерей Серафим (Александров), который произнес «черносотенно-погромную речь, за которую на другой же день был арестован».

Заканчивал Бондаренко свою статью такими словами: «Как бы там ни было, но горький факт веры в нетление мощей Нила Столобенского у Осташковского обывателя и “коммуниста” налицо», и пора «срочно заглянуть на работу уисполкома, а то чего доброго осташи совместно с осташковскими коммунистами попадут в... рай к Врангелю и Пилсудскому». (Так! - П.Р.)

Информация о таком «паломничестве» местных коммунистов к мощам дошла и до столиц и естественно вызвала возмущение в советской прессе. Автор статьи в «Петроградской правде» о вере в слухи и «всякую чертовщину» и о поклонении мощам писал, что результат этой веры сказывается прежде всего в деревне. Но кто с большей настойчивостью и искусством распускает эти слухи, город или деревня, «немыслимо установить». Тут автор приводит пример таких слухов: в Вологодский музей привезли из Ярославля «существо похожее на черта», что у коммуниста и коммунистки родился ребенок с собачьей головой. «В самом деле, - отмечалось в статье,- сегодня поверил в бога, завтра- в черта, а послезавтра поехал всем партийным комитетом на поклонение мощам, как это сделал осташковский уездный исполком».

Прочитав данную статью, известный журналист и специалист по государственному праву В.В. Водовозов записал в свой дневник: «Мне кажется эта статья чрезвычайно показательной. Я делаю из нее следующие выводы: 1. Нельзя запретить верить в Бога, как нельзя приказывать верить в него. В лучшем (или, может быть, худшем) случае Бог заменяется чертом или мощами, но без веры человек не останется. 2. Потрошением мощей нельзя поколебать веру в них. Кто знает, может быть, в самом исполкоме, который служил молебн над мощами одного святого, есть член, который принимал активное участие в кошунстве над мощами другого святого. 3<...> И, может быть, черт, мощи и Николай Угодник погубят большевиков; даже божьей помощи не понадобится».

Конечно паломничество советских работников к мощам показывает широкое распространение практик «народного православия», которые власти считали суеверием и боролись с ними, что не помешало некоторым из них вместе с верующими традиционно считать праздником обретение мощей и поехать в «паломническую» поездку. Показательно и то, что мощи Нила Столобенского были вскрыты еще в 1919 году и оставлены в монастыре, о чем, кстати и писала «Тверская правда».

Что касается назначения выходного дня, то в соответствии с ранним советским законодательством на местах разрешалось вводить свои праздники (без их оплаты, оплачивались только государственные праздники). Осташковский уисполком, то есть уездный исполнительный комитет советов, могли составлять отчасти и беспартийные члены. (Показательно, что уже в статье в «Петроградской правде» уисполком превращается в партийный комитет) и, безусловно, в советских учреждениях на низших должностях (машинистки, телефонистки и т.д.) работали люди совершенно разных религиозных убеждений, и можно сделать осторожное предположение, что они и составляли основной контингент «паломников». В противовес этому предположению можно отметить, что широко организовать данную поездку, каким-то образом обеспечить ее остро дефицитным транспортом, особенно в эпоху «военного коммунизма» и гражданского противостояния, могли только люди, облеченные какой-либо властью. Важно еще сказать, что в первые годы советской власти именно советы являлись реальной политической силой.

Конечно, поклонение «коммунистов» мощам Нила, особенно так, как это подано в прессе, выглядит, мягко сказать, более чем странно и, безусловно, дело местных историков выяснить все подробности сего «паломничества».

Рупасов Александр Иванович

Центробежные тенденции в Северо-Западной области РСФСР по окончании Гражданской войны

Ограниченность материальных, финансовых и трудовых ресурсов после окончания Гражданской войны изначально с неизбежностью создавала в РСФСР благоприятную почву для центробежных тенденций. Создание региональных экономических совещаний диктовалось не только стремлением поднять экономический уровень, но и хотя бы частично погасить центробежные тенденции, препятствующие выстраиванию общероссийской системы государственного управления. Целью начатого исследования являлось

выяснение взаимоотношений на первоначальном этапе НЭПа субъектов, вошедших в состав Северо-Западной области, и объективных условий, препятствовавших преодолению замкнутости и отчужденности губерний области от Петрограда. Политико-экономические дискуссии, развернувшиеся в 1921-1922 гг. в структурах губернской исполнительной власти, хозяйственных органах, в региональной прессе только частично позволяют дать ответы на возникающие вопросы. На ряд вопросов хотела получить ответы и власть. В конце ноября 1921 г. на заседании Президиума Северо-Западного экономического совещания было принято решение немедленно войти в переговоры с Президентами Академии наук и Петроградского отделения Института экономических исследований Наркомата финансов по проблемам хозяйственных планов Северо-Западной области. Обращение к Институту было обусловлено тем, что именно он был лучше других осведомлен в вопросах финансово-экономической жизни региона. Сохранились материалы обсуждения возможностей экономического развития Области в Институте экономических исследований. В центре внимания оказался ряд аспектов взаимоотношений входящих в область губерний. Сдержанное восприятие идей экономического объединения обуславливалось усилением «бюрократического централизма» и «гегемонией Петрограда», способного стать монопольным скупщиком всех ресурсов, а также сомнительностью организации товарообмена, поскольку входящие в область единицы не были способны дополнять друг друга, даже при регулировании взаимоотношений на коммерческих основах (в том числе в сфере заграничной торговли). Навязывать свои условия входившим в Область губерниям партийным властям и органам исполнительной власти Петрограда удавалось только с помощью Центра.

Рупасов Александр Иванович

Практика ленинградских областного и городского арбитражных судов в годы блокады в решении споров промышленных предприятий и Октябрьской железной дороги

Начавшаяся война повлекла резкое изменение логики грузоперевозок на всей территории страны железнодорожным и речным транспортом. Перенаправление гражданских грузов и масштабная эвакуация промышленных предприятий порождали не только ситуацию хаоса, но и финансовые проблемы, к которым, насколько можно судить, кредитно-финансовая система СССР оказалась не готова. Выполнение постановлений ГКО и нередко спонтанно принимаемых решений местных властей в отношении перевозимых ранее оплаченных заказчиком грузов вызывала финансовые затруднения (в том числе при выплате заработной платы сотрудникам, выполнении кредитных обязательств, обязательств перед государственным и местным бюджетом, обязательств по поставкам).

Законодательством (в том числе Уставом железных дорог) регулировались обязательства железных дорог при доставке грузов, что позволяло при определенных условиях предприятиям и организациям обращаться в случае неполучения грузов с исками в арбитражные инстанции для взыскания ущерба. Поскольку юридический статус арбитражных судов не был законом достаточно четко определен, а, кроме того, их функционирование и принятие решений во многом зависело от органов местной исполнительной власти, то практика вынесения решений по предъявляемым Октябрьской железной дороге искам не отличалась единообразием в схожих, по существу, исках. Одним из чаще упоминаемых причин отклонения исков служил отказ учитывать ссылку на условия военного времени - вне зависимости от того, осуществлялась отправка из Ленинграда или из какого-либо другого региона страны. Кроме того, исполком Ленгорсовета обладал полномочиями на рассмотрение жалоб на решения арбитражного суда даже в тех случаях, когда ранее принятое городским арбитражем решение получало одобрение

Государственного арбитража СССР. Что касается исков, предъявляемых осенью 1941 г., то характерным обстоятельством, служившим для принятия или отклонения иска являлось определение даты прекращения железнодорожного сообщения (в исках фигурируют даты между 2 августа и 1 сентября 1941 г.).

Сазонова Татьяна Викторовна

К вопросу о насельницах женских монастырей XVI–XVII вв.

(на примере Горицкого Воскресенского девичьего монастыря)

Женское монашество, в силу комплекса причин (меньшей исторической значимости, более скудной источниковой базе по сравнению с мужским монашеством) редко находилось в фокусе внимания историков. Эти обстоятельства способствовали формированию схематичных концептов.

В отечественной историографии наметились два полюса восприятия женского монашества: первый, связанный со сложившейся в XIX в. благочестивой традицией Православной Церкви, во многом идеализированный взгляд, который выводит на первое место духовный подвиг монахинь. Другой, исходящий из идеи неестественности монашества для женщин, рассматривает пребывание монахинь в монастыре едва ли не как заключение в темницу.

На основе изучения документов Горицкого Воскресенского монастыря — описей имущества, прихода-расходных книг, сыскных дел — складывается картина более сложная, нежели предполагают традиционные схемы. Горицкий монастырь являлся особножитным, то есть общей была только церковная служба, посещение которой являлось обязательным, так как в то время считалось, что именно регулярная молитва — главное занятие монашествующих. («государевы богомольцы»). Источники показывают, что монахини имели возможность покидать монастырь, как группами, так и в одиночку. При этом монахиням не воспрещалось общение с мирянами. Важным моментом было наличие собственных денежных средств и имущества, которыми монахини могли распоряжаться по своему усмотрению. Редко в

источниках можно увидеть причины, по которым женщина становилась монахиней. В тех случаях, когда известно, что привело женщин в монастырь, оказывается, что это был выбор ее родственников — отца, братьев, мужа.

Горицкий монастырь предстает в разных ипостасях: например, для Евфросиньи Старицкой — это убежище, для Анны Колтовской — место самореализации, для «немки женки Аграфенки» и ей подобных — место ссылки. Для одних женщин монастырь мог быть местом духовного подвига, для других местом, где они спасались от семейных проблем и исполняли волю родственников, для кого-то — тихим прибежищем в старости.

Статус монахини («старицы») в XVII в. — это один из возможных способов существования женщины в обществе. При этом монахини не составляли единого внутренне сплоченного сообщества, оставаясь и в пределах монастыря частью своих прежних социальной группы и семьи.

Сафонов Михаил Михайлович

Метаморфозы второй редакции «Записок» Екатерины II

Существуют две основных редакции «Записок» Екатерины II. I начала 1770 х гг. состоит из трех частей. II начала 1790 х гг. из двух. I охватывает период с 1729 г. до 1750 г. II начинается с 1728 г и завершается серединой 1758 г. При этом рассказ о Екатерине начинается с момента ее приезда в Россию в 1744 г.

События, описанные во всех трех частях I редакции, изложены в первой части II редакции, вторая же часть II редакции не имеет аналога в I редакции. В «Записках» три основных персонажа: великая княгиня Екатерина Алексеевна, ее супруг великий князь Петр Федорович, императрица Елизавета Петровна. Как это не покажется странным, никто из корифеев отечественной историографии, не говоря уже об исследователях иного калибра, не обратил внимание на то важное обстоятельство, что образы трех основных персонажей «Записок» в первой и во второй частях II редакции не совпадают. Вторая часть

II редакции как бы продолжает систему образов I редакции. Екатерина в обоих текстах веселое жизнерадостное существо, увлекающаяся нарядами и балами. Елизавета недалекая, мелочная, завистливая стареющая женщина, деспотически преследующая свою невестку за ее молодость и красоту. Петр – недоразвитый асексуальный инфант/

Но в первой части II редакции главные герои выглядят совсем по-другому. Екатерина «философ в 15 лет», любит книги и умные разговоры. Елизавета – ласковая и добрая женщина. Ценит невестку, восхищается ее красотой. Петр же полный идиот, терроризирующий окружающих и прежде всего свою жену. Здесь муж Екатерины, и это следует подчеркнуть особо, выглядит еще отвратительней, чем во второй части II редакции. Это различие образов главных персонажей в обеих частях II редакции, исследователями еще нераспознанное, важнейшее обстоятельство для оценки мемуаров императрицы на предмет их достоверности, требует объяснения. Вторая часть II редакции завершается описанием непримиримого конфликта Петра и Екатерины, Елизавета, преследовавшая невестку на протяжении всей второй части II редакции, однако в конце ее осуждает племянника и безоговорочно встает на сторону Екатерины. Она заявляет, что ее племянник «дурак», а его жена – «очень умная женщина.

За те 20 лет, которые прошли с тех пор, когда Екатерина начала работать над I редакцией своих «Записок», мемуаристка осознала: одно дело, когда брошенная жена сама осуждает мужа, иное дело, когда осуждение исходит из уст других людей. Тем более российской самодержицы! Но какой представлена Елизавета во всех трех частях I редакции и во второй части II редакции: недалеким деспотом и самодуром. А раз так, то ее похвалам и поношениям – грош цена. Осознание этого обстоятельства побудило мемуаристку переписать все три части I редакции, объединив их в одну первую часть II редакции, и в ней расставить акценты по-иному. Петра превратить в отпетого кретина, Екатерину – в умную женщину, Елизавету представить государыней,

обожавшей свою невестку и презиравшей ее мужа. Образ же царицы претерпел наибольшие изменения. Мемуаристка постаралась освободить образ Елизаветы от негативных черт, попыталась тщательно отмыть его. Перо Екатерины соскоблито с изображения императрицы черты жестокости, смыла с него все, что может повредить «тетке» в глазах читателя. Особенно это относится к тому, как Елизавета относилась к своей невестке.

Если представить шахматную доску и три фигуры на ней, к примеру, короля, ферзя, ладью, то манипулируя ими по собственному усмотрению, можно, создать любую позицию по своему желанию. Расставив эти же фигуры на черно-белом поле доски по-иному, вы создадите новую комбинацию, которая будет в большей степени отвечать тем, целям к которым вы стремитесь. Если же на той и на другой позиции просто поменять цвет фигур, то перед вами предстанет новая шахматная реальность, отличная от того, что вы прежде видели. Подобно шахматисту, мемуаристка манипулировала персонажами своего опуса, расставляя их подобно шахматным фигурам и меняя их цвет в зависимости от того, какую позицию она стремилась предъявить читателям.

В «Выписке из протокола заседания Отделения русского языка и словесности Имп. АН от 28. 04. 1900 г.», на котором речь шла о подготовки к печати академического издания «Записок» Екатерины II под редакцией А.Н. Пыпина академик заявил: «Великое историческое достоинство записок устанавливается их замечательной правдивостью ...» Вместе с А.Н. Пыпиным протокол подписали А.Н. Веселовский, В.И. Ламанский, А.А. Шахматов. Все без исключения историки, обращавшиеся к «Запискам» Екатерины II, не только всецело разделяли эту мысль, но даже усиливали ее, подчеркивая чуть ли не «исповедальный характер» этого памятника. В свете того, вышеизложенного, этот основополагающий тезис сегодня не может вызвать ничего, кроме иронической улыбки.

Устроители церкви на закате Московского царства

В последние годы мною были исследованы четыре биографии церковных деятелей второй половины XVII — начала XVIII в.: новгородского митрополита Корнилия, архимандрита Николаевского Вяжищского и Успенского Тихвинского монастырей Боголепа, архимандрита столичного Симонова монастыря Гавриила Домецкого, иподьякона патриарха Никона Ивана Шушерина. Основу этих публикаций составили новые документы из фондов Валдайского Иверского и Успенского Тихвинского монастырей Архива СПБНИИ РАН.

В истекшем году появилась мысль о соединении этих различных персонажей в одну книгу. Все четверо знали друг друга, долгое время жили в новгородской епархии и оказались заметными фигурами той эпохи. Удалось установить, что у них была общая черта, которая также является существенной для многих, если не для большинства архиереев и настоятелей второй половины XVII — начала XVIII в.: все они имели склонность к церковному строительству.

Рассмотренные биографии четырех церковных деятелей конца XVII — начала XVIII в. позволяют установить многогранность их деятельности. Эти образованные, энергичные персонажи не вполне соответствуют господствующей до сих пор прямолинейной концепции подчинения церкви самодержавной власти. Такая значимая тенденция стала лишь одной из ипостасей церкви переломного периода. С нашей точки зрения, данный подход не должен заслонять иные черты многоликого образа духовенства на закате Московского царства.

Церковь была подчинена царской власти не потому, что она находилась в упадке, и среди духовенства не было выдающихся деятелей. Напротив, церковь была на подъеме: строительство шло едва ли не во всех крупных, а также во

многих средних и мелких монастырях; заново были отстроены подворья епархиальных владык, которые в Ростове и Вологде даже именуют кремлями.

Видимое подчинение русской церкви при Петре I было не только формой ее унижения, но и формой неизбежного сотрудничества с государством. В этом была и слабость, и сила русской православной церкви, которая никогда не стояла в стороне от военных усилий своего отечества, на всех этапах российской истории была вместе со своей страной.

Мировоззренческий акцент на противостояние церкви самодержавной воле Петра коренится в спорной идее разрыва петровских реформ с предшествующим развитием страны. Взгляд на Петровскую эпоху как на органическую часть отечественной истории позволяет выявить деятельное участие выдающихся представителей духовенства в созидании облика России Нового времени.

Сиренов Алексей Владимирович

Суздаль как место исторической памяти

В 2024 г. исполняется 1000 лет первого упоминания Суздаля. Речь идет о статье Повести временных лет под 1024 г., где описывается восстание волхвов в Суздальской земле и усмирение его Ярославом Мудрым. Князь прибыл из Киева со своей дружиной в Суздаль, который к тому времени уже существовал. Современные исследования археологов доказывают, что Суздальское ополье было плотно заселено уже во второй половине I тысячелетия н.э. Суздаль с окрестностями в XI в. представлял собой развитую систему сельских поселений с укрепленным городским центром. Однако атрибуты древнерусского города – система валов с крепостными стенами, каменный собор – в Суздале появились только в XII в. Впоследствии Суздаль стал центром удельного княжества, столица которого в XIV в. переместилась в Нижний Новгород. В целом, в позднесредневековое время каких-либо ярких исторических событий или достопримечательностей с Суздалем не связывали. Единственное древнее

строение, городской собор, рухнул в середине XV в. и был возобновлен в первой четверти XVI в. уже в новых архитектурных формах.

Однако в XV в. Суздаль становится центром обширной епархии, в состав которой входили не только земли Суздальского ополья, но также Таруса с уездом, а впоследствии Нижний Ломов, Темников и Наровчат. В XVI в. начинается активная разработка локальной истории, главное место в которой заняли церковные древности.

Одним из первых «творцов» суздальской истории, по нашему мнению, следует считать епископа Варлаама, который занимал суздальскую кафедру с 1570 г. по 1584 г. До своего назначения Варлаам практиковал придумывание биографий тех святых, с прославлением которых была связана его деятельность. Так, в 1560-е годы он трудился над созданием жития Стефана Махрищского – основателя монастыря, где Варлаам в то время игуменствовал. Впоследствии им были придуманы биографии Григория и Кассиана Авнежских – Варлаам стоял во главе комиссии, занимавшейся канонизацией этих изначально безымянных святых. Наконец, прибыв в Суздаль, Варлаам «отыскал» житие Евфросинии Суздальской, якобы жившей в Суздале в XIII в. и бывшей свидетельницей разорения Суздаля от полчищ Батыя. В остальном Житие Евфросинии Суздальской написано по образцу соименной святой Евфросинии Полоцкой. При Варлаама произошла атрибуция погребений древних суздальских епископов. Выяснилось, что один из них, Феодор, прибыл в Суздаль вместе с князем Владимиром Киевским в 990 г. и обратил в христианство местное население. Второй, Иоанн, жил в XIV в. и, если верить его житию, написанному в XVI в., почти полностью повторил биографию своего тезки новгородского епископа Иоанна XII в. Такой прием, написание жития по образцу биографии соименного святого, широко применялся в древнерусской агиографии. Варлаам здесь не был оригинален. К тому же, наверняка тексты писал не он сам. Важнее другое: именно Варлаам

инициировал создание исторического нарратива, повествующего об истории Суздаля.

В XVII в. можно отметить два исторических сочинения, которые рассказывают о суздальских древностях. Первое из них – это летописец, созданный в 1640-е годы в окружении суздальского епископа Серапиона и недавно введенный в научный оборот Н. А. Беловым. В своей основе это типичный городской летописец, каких в XVII в. создавалось немало. Однако и в нем особое внимание уделено церковным древностям Суздаля и, в частности, деятельности легендарного епископа Иоанна. Рукопись летописца еще в XVII в. покинула Суздаль, поэтому его текст не оказал никакого влияния на последующую традицию суздальского историописания. Второе сочинение имеет гораздо большее значение, поскольку с него началась практика описания суздальских древностей. Это особая редакция Повести о Словене и Русе – легендарного сочинения о предыстории Руси, написанного в 1630-е годы в духе концепции *origo nationis*. С привлечением вымысла род правителей Руси в Повести возводится к Ною. Суздальская редакция уточняет, что один из легендарных правителей Руси княжил именно в Суздале. Вероятно, эта редакция была составлена в окружении суздальского архиепископа Стефана в третьей четверти XVII в.

Следующий этап суздальского историописания приходится на середину – третью четверть XVIII в. Около середины XVIII в. была составлена так называемая Летопись об основании Суздаля – компилятивное сочинение с перечислением основных фактов средневековой истории Суздаля. Однако существенно большее значение имели труды суздальского священника Анании Федорова. В 1748 г. для новопоставленного суздальского епископа Порфирия Крайского он написал историческую справку о почитании суздальских епископов Феодора и Иоанна. Затем в 1753 г. по образцу Каталога ростовских епископов Димитрия Ростовского он составил Каталог суздальских епископов под названием «Историческое краткое собрание о преосвященных епископах

архиепископах и митрополитах богоспасаемого града Суздаля». Наконец, в ответ на полученную из Академии наук в 1760 г. анкету Анания написал свой основной труд «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале», где привел систематизированный свод письменных известий и народных преданий об истории Суздаля. Анания Федоров как патриот своего родного города большое внимание уделял местным легендам и преданиям, благодаря которым значимость Суздаля для истории России искусственно преувеличивалась.

Впоследствии все желавшие описать суздальские древности находились под воздействием труда Анании Федорова. Немногочисленные сочинения на эту тему, созданные во второй половине XVIII–XIX вв. можно охарактеризовать как редакции «Исторического собрания». Не все авторы таких переработок нам известны. Сейчас можно назвать имена только троих. Это бывший суздальский епископ Порфирий Крайский, написавший драматическое произведение «Разговор о богоспасаемом граде Суздале» (1775 г.), отставной петербургский чиновник и литератор Иван Афанасьевич Владыкин (1783 г.) и суздальский секретарь Воронов (1802 г.).

В XIX в. в среде суздальских жителей (купцов, мещан и духовенства) сочинения по истории Суздаля пользовались большим авторитетом, занимая место краеведческих исследований, которые в глубоко провинциальном Суздале почти не проводились. В XX в. склонность к легендаризированной истории питали немногочисленные суздальские краеведы. Таковыми, например, были выходцы из среды суздальского духовенства И. М. Снегирев и И. М. Стаховский. Публикуемые только в настоящее время их сочинения об истории Суздаля во многом основаны на стремлении подчеркнуть значимость своего родного города, которую он якобы имел в далеком прошлом. Этих краеведов XX в. в полном основании можно назвать продолжателями традиции, заложенной даже не Ананией Федоровым, а епископом Варлаамом.

Подводя итог рассмотрению попыток описать историю Суздаля, которые предпринимались в донаучный период нашей историографии, можно

утверждать, что их объектом становилась не реальная история Суздаля, а, скорее, ее отражение в исторической памяти. И Суздаль для такого рода историописания стал на редкость подходящим объектом. Этот город получил известность еще в домоногольское время. В ранних летописных известиях периодически использовались термины «Суздальская земля» и «суздальцы». Суздаль упоминается на страницах источников и в более поздние эпохи. Однако с этим городом не связано ни крупных исторических событий, ни выдающихся деятелей истории. Изучать историю такого города «второго плана» весьма непросто, поскольку из-за скудости источниковой базы и бедности событиями картина прошлого получается менее выразительной, нежели та, которую создают творцы исторической памяти. А именно такие авторы писали о Суздале в XVI–XVIII вв. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда реальная история Суздаля и ее отражение в исторической памяти имеют мало общего.

Смирнов Николай Николаевич

Подготовка к летнему наступлению русской армии в воспоминаниях Мориса Жанена

Французский генерал Морис Жанен находился в составе военной миссии Республики с весны 1916 г. до октябрьских событий 1917 г. В это время он являлся главой миссии, находился при штабе верховного главнокомандующего русской армией в Могилеве. Позднее, с осени 1918 г., после прибытия на Дальний Восток, он возглавлял французскую военную миссию в Сибири, был главнокомандующим союзных вооруженных сил. Летом 1920 г. М. Жанен вернулся во Францию.

В своих воспоминаниях генерал подробно осветил события, связанные с его пребыванием в России в годы Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны. В настоящее время московский исследователь, д.и.н. Р. Г. Гагкуев готовит к изданию русский перевод воспоминаний М. Жанена.

Главы VIII–X первой части воспоминаний подробно описывают ситуацию, сложившуюся в русской армии в апреле – июне 1917 г. По мнению генерала, весной 1917 г. русская армия находилась в состоянии развала и попытки привести ее в порядок вряд ли можно было считать успешными. С каждым новым днем революции, отмечал в конце апреля М. Жанен в записке, адресованной начальнику французского Генерального штаба, «Россия решительно отделяет свои цели от целей союзников и [стремится заключить] сепаратный мир с немцами», «война будет вестись с большим трудом; трудности и препятствия вынудят ее оставить борьбу или парализуют. Россия совсем перестанет быть для нас поддержкой или останется в очень слабой степени». Генерал был глубоко убежден в том, что «Франция должна пристально следить за русскими событиями, чтобы иметь возможность принимать решения, способствующие тому, чтобы за последствиями ситуации, за которую ответственна только Россия, и отвечала только Россия».⁵

Автора удивляло, что министры Временного правительства считали «военное положение России внушающим надежду» и серьезно предсказывали новое наступление «через две или три недели».⁶ Генерал замечал, что подобное развитие событий казалось ему «совершенно невозможным»

М. Жанен характеризует попытки приехавшего в Россию в апреле 1917 г. министра вооружений А. Тома принудить русское правительство принять решение о начале нового военного наступления на Восточном фронте как «понятные, но не имеющие под собой надежной основы». Вместе с тем генерал признавал: «Его [А. Тома] энергия и активность найдут здесь себе применение».⁷

Действительно, А. Тома не без участия руководства французской военной миссии сумел убедить Временное правительство и русский генералитет в

⁵ Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916-1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918-1920 гг. Воспоминания. М., 2023. С.190

⁶ Там же. С.181.

⁷ Там же. С.182.

необходимости перехода в наступление в начале июня 1917 г. и выражал надежду, что «русская армия сделает то, что должна союзникам и самой себе».

Провал июньского наступления русской армии подтвердил убежденность М. Жанена, как и генерала М. В. Алексеева, что русская армия серьезно больна и «она не способна на требуемые от нее действия».⁸

Союзники, считал М. Жанен, следовало «не слишком рассчитывать на наступление русских и не слишком его добиваться. К чему обманутые надежды?».⁹

Срединская Наталья Брониславовна

О приданом: защита имущественных прав женщин в актах Северной Италии XIII–XV вв.

Постоянная плановая тема моих работ – исследование и введение в научный оборот материалов Западноевропейской секции НИА СПбИИ РАН. В 2021 г. было продолжено углубленное изучение документов Венеции, Падуи и Феррары. На отчетной научной сессии за 2023 г. будут представлены результаты исследования формуляра феррарских договоров XIII–XV вв. по подлинным и неопубликованным материалам ЗЕС архива.

Исследование актового материала Кремоны, Падуи и Феррары XIII–XIV вв. из Архива СПбИИ РАН дает возможность составить более точное представление о правовом статусе женщин Северной Италии этого времени, во всяком случае, в том, что касалось сферы экономики. К составу имущества, на которое распространялись права женщин, относится, прежде всего, приданое, но также то, что было получено ими по наследству и то, за чем был закреплён статус *bona parapherna* (имущество кроме приданого). Возможность распоряжения своими вещами отличалась в зависимости от региона и вида имущества. Во многих случаях право распоряжения своим приданым (несмотря на то, что приданое признавалось имуществом супруги и муж мог им

⁸ Там же. С.189.

⁹ Там же. С.211.

распоряжаться только с ее разрешения) для женщины ограничивалось необходимостью получить разрешение мужа или отца. Некоторые авторы, впрочем, признают существовавшую для женщин Венеции полную свободу распоряжения своим приданым. Что касается *bona parapherna*, то для распоряжения вещами, принадлежавшими к этой категории, для женщин не существовало никаких ограничений.

Тема защиты женских прав чаще всего прослеживается в многочисленных актах продажи недвижимости и других видов отчуждения имущества, на которое могли распространяться права женщин. Если среди продавцов в акте числятся женщины, в нем присутствуют формулы, которые встречаются не во всех договорах купли-продажи. Это клаузулы, предохранявшие покупателя от исков и претензий женщин, основанные на сохранивших свое значение нормах римского права: *senatusconsultum Velleianum* и Новелле «*si qua mulier*». Сенатусконсульт *Velleianum* еще в Древнем Риме объявлял недействительным всякое принятие женщиной ответственности за чужой долг (Дигесты Юстиниана. D. 16. 1. *Ad senatus consultum Velleianum*). Новелла «*si qua mulier*» объявляла ничтожной интерцессию, то есть принятие долгового обязательства супругой за мужа (Новеллы Юстиниана. Nov. 134). Обязательства не прибегать к привилегиям, положенным женскому полу, скреплялись клятвой на Евангелии, о чем нотариус, составитель акта, делал соответствующую запись.

В качестве иллюстрации можно привести падуанский акт продажи дома от 4 июля 1370 г., включающий апробацию продажи супругой продавца. «*Insuper dicta domina Clara, iuravit, corporaliter ad Sancta Dei Evangelia tactis Scripturis, non contravenire ratione sue doctis, nec aliqua alia ratione vel causa, renunciando auxilio senatusconsulti Veleiani, certiorata per me notarium, quid sit Veleianum, omnique alii suo iuri* – сверх того, упомянутая госпожа Клара поклялась на святом Божием Евангелии, прикасаясь к письменам, не противодействовать <совершенной продаже> на основании своего приданого, и

ни на каком другом основании и ни по какому другому поводу, отказавшись от использования сенатусконсульта *Velleianum* (будучи уведомленной мною, нотарием, что представляет собой *Velleianum*) и от всякого другого своего права» (Акты Падуи конца XIII-XIV в. в собрании Академии наук СССР / сост. Е.Ч. Скржинская, А.М. Кононенко, В.И. Мажуга. Л., 1987. Акт № 62. С. 154).

Таким образом, в этом документе присутствует клятвенное обязательство не оспаривать совершенную продажу дома на основании своего приданого. Клятва означала обещание не опротестовывать продажу, ссылаясь на действовавшие также и в средневековой Италии нормы. Значимым является также и повторяющееся в таких документах сообщение нотарию, что он разъяснил приносящей клятву женщине суть сенатусконсульта *Velleianum*, который она обязалась не использовать. Эта предосторожность опирается на данную римским правом привилегию женщин в некоторых случаях требовать расторжения сделки, ссылаясь на неведение закона (Дигесты Юстиниана. D. 22. 6. 9). Именно поэтому нотариус, составивший рассматриваемый нами акт 1370 г., удостоверяет также принесение клятвы в том, что с содержанием тех норм права, от поддержки которых женщина отказывается, она ознакомлена.

Хотя все вышеизложенное свидетельствует более о защите интересов покупателей недвижимости, на которое могли претендовать женщины, следует все же обратить внимание на существовавшую у них законную возможность такую сделку опротестовать. Кроме того, актовый материал указывает, что в праве Северной Италии сохраняли значение и другие нормы римского права о приданом. Это акты о возвращении наследниками вдове ее приданого после смерти мужа, возвращение приданого обычно также предусматривалось в завещаниях. Имущественные права женщин подкреплялись возможностью предъявления иска мужу, растратившему приданое. Это подтверждает феррарский акт 1481 г. о наложении взыскания на имущество Алвизио Форцате, отдавшего за долги приданое жены, госпожи Джакопы, дочери графа Джакопо Сакрати. Его имущество, 12 участков земли в феррарском дистрикто,

было передано супруге в компенсацию за растраченное приданое (Архив СПбИИ РАН, Западноевропейская секция. Коллекция 4, картон 134 № 10). Представляется, таким образом, что исследование актового материала указывает на существенность имущественных прав, которые принадлежали женщинам североитальянских центров XIII-XV вв.

Стефаненко Александр Юрьевич

«Работать так, как сражаются ленинградцы»: Мясомолочная промышленность блокадного Ленинграда. 1941-1944 гг.

Вопросы снабжения Ленинграда продуктами питания, поиска сырья и пищевых заменителей традиционно привлекали внимание специалистов. Однако изучение отдельных отраслей пищевой промышленности блокадного города только начинается. В публикациях исследователей рассмотрены вопросы хлебопечения, выращивания овощей и сбора дикорастущих растений, производства пива и кондитерских изделий, ловли рыбы. Вместе с тем, в годы Великой Отечественной войны, в Ленинграде продолжали функционировать предприятия мясомолочной промышленности: 2-й колбасный завод, молочный комбинат № 1, мясокомбинат им. С.М. Кирова и масложировой комбинат.

В рамках доклада предполагается затронуть развитие мясомолочной промышленности в 1930-1940-е гг. Именно в этот период в Ленинграде происходят серьезные изменения в данной отрасли хозяйства. Налаживаются связи со среднеазиатскими республиками, тем самым создаются условия для постоянного завоза мясной продукции в город. Параллельно с этим начинается строительство нового мясокомбината на окраинах Ленинграда, а старые пищевые предприятия объединяются, а их техническое оснащение — обновляется. К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде реализуется широкий ассортимент мясомолочной продукции, начиная от продажи мяса и субпродуктов, заканчивая различными деликатесами.

Оккупация Ленинградской области, а затем и блокада Ленинграда привели к изменениям в функционировании предприятий города. Начинается эвакуация окраинных заводов и фабрик в центральные районы Ленинграда. Из-за недостатка сырья ряд предприятий начинает требовать перевода рабочих на другие производства или разрешение выпуска непрофильных видов продукции: заводы по производству рыбы захотели заниматься выпуском сладостей и овощных консервов, промышленные предприятия стали ловить и обрабатывать рыбу. В свою очередь, выпуск мясомолочной продукции пытались организовать печатники и рыболовы.

В рамках доклада основное внимание будет уделено перестройке мясомолочной промышленности в условиях блокады: поиску альтернативного сырья и изменению номенклатуры выпускаемой продукции, взаимодействию с учреждениями и предприятиями по вопросам разработок заменителей и улучшения качества, переводу рабочей силы и подготовки квалифицированных кадров, борьбы с кражами и незаконной реализацией продуктов питания.

Таценко Тамара Николаевна

Значение брачных уний в истории государств Раннего Нового времени: пример курфюршества Бранденбургского

Импульсом к докладу послужило подлинное письмо трех представителей династии Гогенцоллернов от 15 июля 1594 г., хранящееся в Западноевропейской секции архива СПбИИ РАН под шифром 430/53. Оно содержит приглашение на свадьбу Иоганна Сигизмунда, маркграфа Бранденбургского (1572-1619), с Анной, герцогиней Прусской (1576-1625), и написано от имени Иоганна Георга, курфюрста Бранденбургского (1525-1598), деда жениха, Йоахима Фридриха, маркграфа Бранденбургского (1546-1608), отца жениха, и Георга Фридриха, маркграфа Бранденбургского-Ансбах (1539-1603), опекуна отца невесты, душевнобольного герцога Прусского Альбрехта Фридриха (1553-1618). Исполненное канцелярским неоготическим курсивом и

содержащее собственноручные подписи и печати отправителей послание на двух бумажных листах in folio адресовано Вильгельму, герцогу Баварскому (1548-1626).

Этот готовившийся в остром соперничестве с другими претендентами брак совершился 20 октября 1594 г. и принес Иоганну Сигизмунду, впоследствии курфюрсту Бранденбургскому, бесценную невесту, своим родством давшую династии бранденбургских Гогенцоллернов права на наследование герцогства Прусского, а также герцогства Клеве и графств Марк и Равенсберг на Нижнем Рейне.

Реализация наследственных прав проходила в острой борьбе с соперниками, в обстановке обострившихся в канун Тридцатилетней войны конфессионально-политических конфликтов европейского масштаба. В 1614 г. к курфюршеству Бранденбургскому были присоединены владения Клеве, Марк и Равенсберг на Нижнем Рейне, а в 1618 г. - герцогство Прусское. Борьба сопровождалась оптимизацией структур управления курфюршества (создание Тайного совета) и переходом семьи бранденбургских Гогенцоллернов из лютеранства в кальвинизм.

В результате из провинциального княжества курфюршество Бранденбургское превратилось в композитарное территориальное Бранденбург-Прусское государство с областями на крайнем востоке и западе Германских земель, вовлеченное тем самым в общеевропейскую политику и открытое новым влияниям и возможностям, в том числе модернизации в экономике и технологиях благодаря притоку переселенцев – кальвинистов из Западной Европы. Брачная уния начала XVII в. стала исходным пунктом возвышения Бранденбург-Прусского государства, с 1701 г. – королевства Пруссии в Новое время.

Твердюкова Елена Дмитриевна

Приобретение легковых автомобилей на целевые чеки в СССР

Индустриальное освоение Сибири и Дальнего Востока было одним из самых амбициозных советских проектов, направленных на решение крупнейшей народнохозяйственной задачи – создание новой энергетической базы и обеспечение ее транспортной доступности. В систему мобилизационных мер по обеспечению кадрами объектов нефтегазового комплекса, крупнейших месторождений золота и алмазов, Байкало-Амурской магистрали, помимо моральных стимулов, входили надбавки к заработной плате и иные материальные преференции. В числе таковых была возможность оформить целевые вклады на приобретение легковых автомобилей. Изначально, с апреля 1975 г., это право предоставлялось только строителям БАМа. Позднее купить машину вне очереди посредством целевых вкладов смогли рабочие и служащие важнейших предприятий и строек Красноярского и Хабаровского краев, Бурятской и Якутской АССР, Амурской, Иркутской, Тюменской и Читинской областей. На протяжении трех – пяти лет они ежемесячно вносили деньги в счет оплаты выбранной марки и модели автомобиля, после чего по специальному чеку могли получить «Москвич», «Жигули», «Запорожец» или ЛуАЗ. На 1 января 1987 г. в сберегательных кассах страны имелось 52,7 тыс. счетов по целевым вкладам на сумму 199,2 млн руб.

В условиях дефицитности потребительского рынка и экономической реформы постановлением Совета министров РСФСР от 17 июля 1991 г. отоваривание целевых чеков на легковые автомобили (в количестве 53,3 тыс. штук) было перенесено на первое полугодие 1992 г. Это решение вызвало множество жалоб граждан и обращений со стороны народных депутатов и профсоюзных лидеров в адрес российского руководства.

Постановлением правительства РФ от 24 января 1992 г. предусматривалась частичная компенсация разницы в ценах на легковые автомобили путем индексации суммы чеков и вкладов в размере 100 %, а также снижался акциз (с 25 до 0,5 %). Эти меры позволяли компенсировать каждому владельцу в

среднем 52 тыс. руб., на что в бюджете РФ на 1992 год предусматривались ассигнования 13,1 млрд руб.

Однако указанные меры не могли полностью возместить затраты держателей чеков. На основании указа Президента РФ от 3 декабря 1991 г. «О мерах по либерализации цен» с начала 1992 г. государственное ценовое регулирование многих товаров народного потребления отменялось. В результате розничные цены на автомобили в течение 1992 г. многократно возросли. Так, машины производства Волжского автозавода с февраля по декабрь подорожали почти в 14 раз. Но в условиях рыночной экономики руководство страны не считало возможным обязать автозаводы продавать продукцию по старым фиксированным ценам.

Сложившееся положение заставило Президиум профсоюза железнодорожников и транспортных строителей Байкало-Амурской магистрали принять в январе 1992 г. постановление о защите их интересов в вопросе приобретения легковых автомобилей по целевым сберегательным вкладам. В нем отмечался рост социальной напряженности в трудовых коллективах БАМа, где жизнь и работа ясно обретала черты «бесперспективности дальнейшего пребывания», а также содержалась рекомендация обратиться в Конституционный Суд РФ за правовой оценкой деятельности правительства, которое, по словам авторов документа, «на деле доказало свое безразличие к дальнейшей судьбе БАМа и его строителей».

Конституционный Суд в заседании 9 июня 1992 г. признал не соответствующими Основному закону РФ положения о переносе сроков отоваривания чеков и порядке денежной компенсации их владельцам. Выполняя постановление суда, российское правительство было вынуждено принимать решения о порядке компенсации удорожания стоимости легковых автомобилей владельцам целевых чеков.

Льготный порядок приобретения машин предназначался для поощрения и частичной компенсации тяжелых условий труда работников важнейших

народнохозяйственных объектов. Вместе с тем, целевые вклады служили и способом мобилизации и использования сбережений населения. Однако после распада СССР правительство РФ в силу дефицитности госбюджета не имело возможности своевременно исполнить свои обязательства перед вкладчиками. В соответствии с федеральным законом от 1 июня 1995 г. целевые расчетные чеки признавались внутренним государственным долгом Российской Федерации. Срок погашения по ним был установлен с 1 января 2001 г. по 31 декабря 2002 г., по истечении которого компенсация может выплачиваться только по решению суда.

Тихонова Мария Владимировна

**Деятельность таможенных голов и целовальников в Сибири
середины – второй половины XVII века (по материалам фонда Якутской
воеводской избы СПбИИ РАН)**

Цель доклада проанализировать конкретные условия таможенной службы в Якутской воеводской избе в середине – второй половине XVII века, используя материалы фонда 160 Архива СПбИИ РАН.

В результате реформы 1550–1570-х гг., были созданы приказы – центральные органы государственного управления. А органами местного самоуправления в уездах стали подчиненные центру избы. Важное место в системе местных учреждений занимала таможенная изба.

В начале XVII в. местную администрацию возглавили воеводы, которые контролировали деятельность местных учреждений, в частности, следили за укомплектованием таможен. Воевода должен был обеспечивать порядок в таможнях, следить за поведением таможенных голов и целовальников на службе и в частной жизни, но в практическую деятельность таможни ему вмешиваться запрещалось под угрозой опалы. Статья 1 Новоторгового устава 1667 г. прямо гласила: «... а гостя с товарищи воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том великого государя

казне в сборах порухи не было» [Таможенное дело России: сборник документов и материалов, с. 148].

Для каждой таможни выдавалась своя собственная уставная таможенная грамота, оригиналы которой хранились непосредственно в таможенном учреждении: «...а держатися уставная грамота в таможенном в казенном ларце, для вперед иных таможенников, а к себе таможником сее грамоты не имати» [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 224, л. 11]. По истечении срока полномочий таможенных служителей им предписывалось «сию таможенную уставную грамоту отдавати новым таможенникам, которые на их место в той таможенной пошине будут».

Вступление в должность таможенников сопровождалось определенной процедурой, на первом этапе которой они приносили присягу. Так как процедура принесения присяги в те времена сопровождалась целованием креста, присягнувшие лица стали называться целовальниками, которые знакомились с содержанием уставной таможенной грамоты своей таможни и принимали у смененных таможенников имущество таможни.

Первоначально и таможенный голова, и целовальники избирались из числа местного населения, но в XVII в. во избежание злоупотреблений таможенных голов стали присылать из других мест. Чтобы обеспечить порядок в таможнях, предписывалось голове следить за целовальниками, целовальникам – за головой и друг за другом, в случае обнаружения злоупотреблений надлежало сказать воеводе или писать государю. Недоносительство о должностных нарушениях расценивалось как соучастие.

Служба в таможнях была серьезным испытанием еще и потому, что таможенники были материально ответственны за сбор пошлин – «недобор таможенных пошлин, что у них перед прежними годы в недоборе будет, велит государь на них же взять вдвое».

Толстиков Тимофей Юрьевич

Организация визитов иностранных корреспондентов в осажденный Ленинград: проблемы политики репрезентации

Одно из актуальных направлений современной историографии – изучение не только военной или экономической, но и «информационной блокады» Ленинграда. Долгое время он оставался полностью закрытым для иностранных корреспондентов. Мировая общественность не имела возможности из первых уст узнать последние новости о положении города и ходе боевых действий. Первые западные журналисты Генри Шапиро и Александр Верт смогли посетить Ленинград в июне и сентябре 1943 г. После визита Шапиро издал в американской газете United Press International первые очерки об осажденном городе, а Верт написал книгу «Leningrad», оказавшую значительное влияние на восприятие блокады на Западе. В исследовательской литературе рассмотрены общие вопросы истории этих визитов, однако неизученными остаются особенности их организации и политика репрезентации образа блокадного Ленинграда, проводимая городским руководством. Представители центральной и местной власти не давали иностранным корреспондентам возможности посетить город в критический период 1941-1942 гг. Сотрудники горкома опасались того, что в своих очерках журналисты могут «переборщить с трудностями», и распространение в СМИ информации об ужасающем положении горожан приведет к политическому скандалу. Первые поездки зарубежных журналистов в город состоялись через полгода после прорыва блокады, когда ситуация в Ленинграде относительно нормализовалась, а союзнические отношения СССР с США и Великобританией укрепились. Руководители Ленинграда стремились сформировать особый образ осажденного города. Необходимо было показать его иностранцам как героическую крепость, крупный индустриальный центр, которым управляют активные, трудолюбивые и популярные среди населения лидеры. Для того чтобы журналисты удостоверились в этом, были созданы четкие программы визитов, включавшие встречи с руководителями города и посещение

Смольного, военных объектов, заводов, театров, библиотек, школ. Для избегания «политически неправильных» тем (преступность, нелегальные торговые отношения, оппозиционные настроения) при составлении программы корреспондентам практически не предоставлялось свободного времени для самостоятельного осмотра города и общения с ленинградцами; во время поездок их сопровождали сотрудники НКВД и Политуправления фронта. Публикации журналистов пользовались популярностью у западного читателя, в текстах отразились особенности положения Ленинграда, представленные советским руководством. Представители власти смогли сформировать и распространить необходимый образ, который был ретранслирован на англоязычную публику.

Травин Иван Дмитриевич

Новые данные о составе английской коллекции Западноевропейской секции Научно-исторического Архива СПБИН РАН

В докладе отражены результаты годичной работы по обновлению описи Коллекции 18 Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПБИН РАН, во время которой была идентифицирована большая часть документов английской коллекции.

Коллекция 18 (Англия. Акты и письма) Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПБИН РАН насчитывает 8 картонов, которые содержат в себе 147 единиц хранения. Материалы коллекции поступили в Архив новообразованного Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1936 году в составе других документов Западной Европы из собрания академика Николая Петровича Лихачёва (1862-1936).

Подавляющее число документов Коллекции 18 географически относится к Британским островам, но небольшая часть (преимущественно нормандские документы) происходит из континентальной части Европы. Картон 380 содержит материалы английских, шотландских и ирландских иерархов

католической церкви XVI-XIX веков. Картон 381 содержит документы XII-XVII веков, часть которых относится к истории полученных путём переговоров или захваченных Англией в эпоху Столетней войны регионов Франции. Картон 382 содержит документы XVIII-XX веков, изданные от имени английских монархов (за исключением одного, относящегося к Средним векам и изданного от имени французского короля Филиппа II). Картон 383 содержит грамоты английских монархов XIV-XVII веков с вислыми восковыми печатями. Картон 384 содержит грамоту епископа Пьетро Аквабланки с четырьмя печатями. Картон 385 содержит жалованную грамоту короля Генриха VIII с большой восковой печатью, а также фрагмент другой печати и каталог различных рукописей XVI-XVII веков. Картон 386 содержит грамоты и письма английских монархов XVII-XIX веков. Картон 387 содержит документы политических деятелей, а также деятелей науки и искусства XVI-XIX веков.

История приобретения документов Коллекции 18 остаётся преимущественно неизвестной. На обложках некоторых документов сохранились пометы рукой Лихачёва с указаниями на аукционы, где были куплены рукописи: Штаргардт, Барнард, Беамон, Понтуаз, Шараве, Гильхофер и Раншбург, Хенрики, Липмансзон. При части документов сохранились коллекционные обложки различных антикварных фирм Европы: Хесс, Мэггс, а также Бёшель и Трепте. Большая часть документов, история приобретения которых известна, была куплена в аукционных домах Сотби, Братья Мэггс, а также Лист и Франке.

Инвентарная опись материалов английской коллекции была составлена в середине XX века Сергеем Александровичем Аннинским (1891-1942), хранителем Западного отдела Архива ЛОИИ АН СССР (1936-1942 гг.), и дополнена в 1980-х годах Наталией Брониславовной Срединской, хранителем Западноевропейской секции Архива ЛОИИ. Электронный набор описи произведен в 2016-2018 годах аспирантами СПбИИ РАН, студентами СПбГУ и Петрозаводского государственного университета в рамках архивной практики

под руководством Александры Викторовны Чирковой, хранителя
Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Несмотря на масштабы проведённых работ, до сих пор опись Коллекции 18 ограничивалась по большей части лишь именем персоны, указанной в тексте документа, а в некоторых случаях — одной лишь датой составления. Отметки в листах использования показывают, что за последние сто лет материалы фонда были исследованы довольно слабо. Большая же часть тех документов английской коллекции, которые всё же были изучены, опубликованы специалистом по истории средневековой Англии Андреем Александровичем Касатовым.

Фомин Антон Юрьевич

Некомпетентность vs неэффективность: офицеры о военных неудачах России во второй половине XIX – начале XX в.

В 1905 г. Россия потерпела унижительное поражение в войне на Дальнем Востоке, продемонстрировавшее недостатки ее вооруженных сил и государственного устройства. Ситуация во многом напоминала неутешительные итоги Крымской войны. Однако в 1905 г. чувство национального унижения дополнительно усиливалось тем фактом, что болезненные поражения на суше и на море России нанесла не коалиция первоклассных держав, а азиатская страна, до этого вовсе не воспринимавшаяся как равный игрок на мировой арене.

Практически все военные интеллектуалы сходились в негативных оценках действий русской армии. Факты невозможно было отрицать. Расхождения в оценках возникали лишь относительно того, чем объяснить неудачные действия русской армии: некомпетентностью отдельных начальников или же общей неэффективностью военной машины государства (породившей некомпетентных начальников) и всей политической системы, специфика которой привели среди прочего к проведению безответственной,

раскоординированной внешней политики, втянувшей страну в военный конфликт на отдаленном театре, к которому она не была подготовлена. Анализ последних событий подталкивал офицеров, являвшихся свидетелями и участниками Русско-японской войны, к проведению исторических параллелей с другими неудачными для России военными конфликтами из сравнительно недавнего прошлого. Прежде всего напрашивалась аналогия с Крымской войной.

Сопоставление двух этих военных конфликтов представлялось современникам весьма актуальным в силу схожего исторического контекста и их неутешительных для России итогов. Однако если поражение в Крымской войне по устоявшимся в исторической памяти того времени представлениям покрыло славой русское оружие, то в событиях войны на Дальнем Востоке современники находили мало поводов для утешения уязвленной национальной гордости. Ведь в этот раз Россия потерпела поражение не от мощной европейской коалиции, а от азиатской страны, еще недавно не воспринимавшейся как равный по статусу субъект международных отношений. Помимо героической мифологии память о Крымской войне также тесно увязывалась с последовавшими за ней Великими реформами императора Александра II. В надежде на национальное возрождение, которое наступит после унижительного поражения, наглядно продемонстрировавшего внутренний кризис, состоял прагматический смысл обращения к памяти о Крымской войне для многих русских офицеров, переживших Русско-японскую. Для многих военных интеллектуалов Крымская война и ее последствия создавали желанную для начала XX века историческую модель: за военными неудачами, продемонстрировавшими системный кризис, следуют кардинальные реформы, которые должны обеспечить будущие победы. Согласно этой достаточно прямолинейной схеме, победа, одержанная Россией над Турцией в войне 1877–1878 гг., удостоверяла успехи военных реформ Д. А. Милютина и Великих реформ царствования Александра II в целом. Соответственно, к поражению от

Японии привело сворачивание реформ и «застойные» годы следующего царствования. Следовательно, для исправления ситуации России нужно было просто вернуться на путь либеральных преобразований. При этом встречались и более пессимистические оценки прошлого – действия русской армии на Балканах в 1877 – 1878 гг. подвергались суровой критике, отмечалось считавшееся постыдным для России превосходство турецкой армии в вооружении и уровне снабжения. Для такого взгляда, принадлежавшего более консервативным офицерам, была характерна ностальгия по ушедшим временам наибольшей славы русского оружия (отблески которой еще ощущались в крымскую кампанию), сочетавшаяся с общим пессимизмом в отношении современности и скептическим восприятием прогресса, основанного на отвержении традиций.

Ходяков Михаил Викторович

«Мы многих сюда не пустим»: жилищная политика в Ленинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны

Процесс вытеснения из Ленинграда недееспособного населения завершился к январю 1943 г. Однако возвращение в город эвакуированных граждан было серьезно осложнено. Направленность жилищной политики, реализовывавшейся в городе после прорыва блокады в 1943 г., позволяет ряд материалов, отложившихся в фондах ЦГА СПб. Среди них материалы годовых отчетов райжилуправлений, а также многочисленные обращения к руководителям города различного уровня с просьбами о выдаче разрешений на въезд в Ленинград. Значительный поток писем такого рода шел на имя председателя Ленгорисполкома (ЛГИ) П. С. Попкова и начальника паспортно-регистрационного отдела управления милиции Ленинграда Романова.

Накануне войны на руках у населения Ленинграда находилось до 60 тыс. карточек-разрешений на право пользования «дополнительными» квадратными метрами. Причем перерегистрация разрешений не производилась с 1933 г. Ее

планировалось провести в 1941 г. с тем, чтобы выявить «резервную жилую площадь, используемую без особой надобности владельцами карточек из-за неправильно предоставленной им льготной оплаты и в значительной мере увеличить поступления от квартирной платы». Был разработан проект инструкции по перерегистрации карточек на дополнительную жилплощадь.

3 сентября 1944 г. постановлением ГКО «Об ограничении в 1944 г. эвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов и рабочей силы» возвращение в город рабочих и служащих частным порядком запрещалось. Отменялись ранее принятые решения о эвакуации в Ленинград рабочих, служащих, студентов и членов их семей. Постановления ГКО и СНК СССР по заводу в Ленинград рабочих и служащих объявлялись выполненными. Ленгорисполком лишался права выдавать пропуска (вызовы) сверх установленной на 1 января 1945 г. численности населения города в 950 тыс. человек.

Ряд секретных постановлений и инструкций, принятых в первой половине 1946 г., свидетельствовал о возвращении к существовавшей до войны практике, касавшейся порядка прописки граждан.

Чиркова Александра Викторовна

**Нотарии маркграфов Колле и документ середины XII в.
из коллекции Н. П. Лихачева**

Начало исследованию дала грамота из собрания Н.П. Лихачева – акт купли-продажи в пользу камальдульского приората Сан-Савино в долине Кьо (San Savino a Chio, осн. ок. 1066 г., диоцез Ареццо). У документа утрачена верхняя часть с хронологической датой, полным именем продавца и верхним нотариальным знаком (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС, Карт. 110, № 1). Благодаря документам приората, сохранившимся в фонде Камальдоли в Гос.архиве Флоренции (Regesto di Camaldoli pubblicato dall'Istituto Storico Italiano, a cura di L. Schiaparelli e F. Baldasseroni. Vol. I–II. Roma, 1907–1909) удалось уточнить

датировку (конец 1150-х – начало 1160-х гг.) и найти другие акты, составленные тем же нотарием Гвидо в 1140–1162 гг.

Сравнение грамот с другими документами того же времени, составленными в долине Кьо – историческом центре владений маркграфов Колле (с XIII в. одна из их линий известна как маркизы Монте-Санта-Мария), показало большое разнообразие внешнего оформления *carta* и *breve*. Всего известно по именам три нотариуса, современника Гвидо, составивших акты в пользу камальдульских пустынь Сан-Савино, Сант'Андреа-дель-Поццо, Сан-Джованни-ди-Флери в окрестностях города Кастильон-Фиорентино и Сан-Кирико-делле-Розе вблизи Фойано. Еще известно три анонимных писца для документа из трех бревен. Комплекс состоит из 16 подлинных грамот 1140–1169 гг. с 19 актами (13 *carta* и 6 *breve*).

Сравнение этого комплекса с документами нотариусов Ареццо (Гос.архив Флоренции, фонды Камальдоли, Понтевеккьо, Санта-Мария-делла-Бадья, коллекция актов аббатства Струми, собрание Мариотти), и их сопоставление с актами флорентийских нотариусов, показало, что для региона Ареццо в первой половине – середине XII в. было характерно разнообразие индивидуальных эстетических стратегий. Каждый из четырех нотариусов долины Кьо, отражает особенности одной из групп, на которые условно можно разделить нотариусов епископства Ареццо в их использовании личных нотариальных знаков: 1) с одним «верхним» нотариальным знаком на основе символической инвокации в виде креста или хризмы, 2) с инициалом *I* в функции «верхнего» нотариального знака, 3) с «верхним» нотариальным знаком на основе инициала *I*, 4) с «верхним» нотариальным знаком свободного рисунка с большой вариативностью изображений. Особенностью нотариусов маркграфов Колле было отсутствие рисованных «знаков руки» в формулах аллографических подписей свидетелей и авторов акта, а также либо полное отсутствие «нижних» нотариальных знаков, либо формирование их на основе первого знака нотариальной заверки – союза *Et* или буквы *E* в слове *Ego*.

Отсутствие единой традиции внешнего оформления было вызвано особенностями формирования аретинского нотариата при епископской резиденции, в том числе – высокой ролью личного вклада отдельных нотариев и их письменной манеры. На середину XII в. приходится упадок епископского нотариата Ареццо – в связи с ростом коммунального движения и усилением правовой школы Болоньи. Так же это время начала трансформации, известной в историографии как переход от *carta* (диспозитивного документа) к *intrumentum* (документу, имеющему силу доказательства), которая привела к кризису *carta* и возросшей роли *breve*, для составления которых необязательно было обращаться к нотариам. Следствием явилось заметное уменьшение числа грамот с 1150-х г. по сравнению с предшествующим периодом, общее опрощение письма и большая вариативность в отношении использования личных нотариальных знаков.

Чистиков Александр Николаевич

Оборона Ленинграда в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях Б.В. Бычевского, А.А. Новикова, Ю.А. Пантелеева

В январе 1964 г. на совместном заседании учёных советов ЛОИИ и истфака ЛГУ с воспоминаниями о своём участии в обороне Ленинграда выступили главный маршал авиации А.А. Новиков, генерал-полковник М.С. Хозин, адмиралы В.Ф. Трибуц и Ю.А. Пантелеев, бывший секретарь парткома Металлического завода В.И. Смолвик и генерал-лейтенант инженерных войск Б.В. Бычевский.

В архиве СПБНИИ РАН сохранился стенографический отчёт об этом заседании объёмом 65 машинописных страниц. В 1968 г. вышел подготовленный сотрудниками института сборник воспоминаний «Оборона Ленинграда», в который вошли воспоминания Б.В. Бычевского, А.А. Новикова, Ю.А. Пантелеева.

К моменту выступления на Учёном совете у Б.В. Бычевского уже были опубликованы мемуары: в 1963 г. сначала в «Военно-историческом журнале», затем в виде книги. Адмирал Ю.А. Пантелеев опубликовал расширенный вариант воспоминаний: в 1965 г. в журнале «Звезда» и отдельным изданием.

Сопоставление этих текстов (с одной стороны, выступления и публикации в сборнике «Оборона Ленинграда», с другой – выступления и книжные публикации) не только даёт возможность увидеть отличия в изложении фактического материала, но и сделать вывод об изменении у авторов ряда оценок и суждений, что было связано с изменением в политике памяти о войне, проводимой партийными, государственными и военными органами.

Чистиков Александр Николаевич

«Новое свидетельство заботы партии и правительства»:

Обсуждение речи Н.С. Хрущёва 8 марта 1963 г. на собрании актива работников литературы и искусства Ленинграда 14 марта 1963 г.

На второй встрече партийно-государственных руководителей с творческой интеллигенцией страны 7-8 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв выступил с речью «Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства». Основное внимание было уделено критике абстракционизма и формализма.

Об этом выступлении существует несколько ярких воспоминаний некоторых представителей советской интеллигенции: А.А. Вознесенского, М.И. Ромма, А.И. Солженицына и др. Эмоционально окрашенные эти воспоминания создают главным образом негативный образ Хрущёва и критику его основных положений. Гораздо меньше известно о реакции на выступление Хрущёва на региональном уровне среди партийно-советских работников и деятелей литературы и искусства (исключая дежурные восторженные публикации в прессе).

Речь Хрущёва была напечатана в центральных газетах, и в течение следующих нескольких недель на партийных активах в крайкомах, обкомах прошло её обсуждение. В Ленинграде собрание состоялось 14 марта. Открылось оно докладом первого секретаря обкома КПСС В.С. Толстикова, а в прениях выступили почти два десятка работников творческих профессий. Подлинный правленый экземпляр стенограммы заседания объёмом 193 машинописных листа отложился в одном из фондов ЦГАИПД СПб. Стенограмма не опубликована, а из историков краткому анализу её содержания уделил внимание лишь А.Б. Фетюков в кандидатской диссертации «Взаимоотношения власти и художественной интеллигенции в советском общества (по материалам Ленинград. 1956–1964 гг.), защищённой в 2012 г.

По традиции информация об этом собрании в изложении вскоре появилась в ленинградской прессе.

В докладе предполагается выявить сходство и различие в содержании этих документов при сравнении: 1) речи Хрущёва и доклада Толстикова; 2) стенограммы собрания актива и газетного изложения заседания 14 марта. Предварительное изучение показывает, что при значительном сходстве между выступлениями Хрущёва и Толстикова можно обнаружить и различия, причём не только в приводимых примерах, но и в оценке некоторых явлений. Сопоставление стенограммы и газетного изложения приводит к выводу о том, что многие сведения о степени влияния буржуазной идеологии на советских людей оставались уделом узкого круга партийно-государственного аппарата, а для широкого круга читателей предназначалась информация более общего и агитационно-пропагандистского характера.

Шишкин Владимир Владимирович

**Приглашение на праздник: письмо Сулеймана I к Франциску I
от сентября 1539 г.**

В центре доклада – письмо Сулеймана I Великолепного, турецкого султана, адресованное его военно-политическому союзнику, королю Франции Франциску I в сентябре 1539 г. Это небольшой эпизод периода Итальянских войн.

Документ происходит из коллекции автографов П. П. Дубровского из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и ранее находился в составе рукописей аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Особенностью послания является то, что оно было отправлено во время мира, заключенного Франциском I в Ницце 1538 г. с императором Карлом V, общим противником короля и султана. Из содержания письма, составленного на турецком языке арабской вязью, но имеющего приложенные к документу французский и итальянский переводы, выполненные в то же время, очевидно, что Сулейман I не считал мирное соглашение разрывом отношений с Францией. Он информирует Франциска I о том, что через два месяца в Константинополе состоится большой праздник по случаю обрезания двух его сыновей. Письмо, с одной стороны, является свидетельством шокирующей культурной информации для французского двора, с другой, несомненно, говорит об определенной степени доверия между восточным и западным монархами, с уверенностью в продолжении отношений и в шаткости мира с императором.

Ярмолич Фёдор Кузьмич

**Тема современности и культурное пространство советского горожанина
1950 – 1960-х гг.**

В 1950–1960-е гг. в культурном пространстве Советского Союза проблема современности всегда находилась в фокусе внимания как партийно-государственных учреждений, так и деятелей культуры. Однако во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. под влиянием политических (десталинизация, XX съезд КПСС) и социально-культурных (рост образовательного уровня населения, улучшение его материально-бытовых

условий жизни) обстоятельств возникли предпосылки для пересмотра содержания темы современности.

В первой половине 1950-х гг. ее характерными чертами выступали победа советского народа в Великой Отечественной войне, его героизм и патриотизм, жизнь рабочих и крестьян, основанная на социалистических принципах. Во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. большее внимание начинает акцентироваться на экономических достижениях страны и духовном мире советского человека. Во второй половине 1960-х гг. при обращении к современности активнее, чем ранее, рассматриваются морально-нравственные вопросы.

Перечисленные черты современности доносились до советского человека посредством кинематографа, театральных и музыкальных произведений, работы клубов, музеев, библиотек и т.д. Однако, популяризуя тему современности среди населения, органы власти и управления столкнулись с рядом проблем, которые влияли на качество пропаганды. Свое негативное влияние оказывала как не всегда высокая подготовка на региональном уровне работников учреждений культуры, так и недостаточно развитая в малых и средних городах культурно-досуговая инфраструктура (театры, клубы и т.д.). В крупных городах этой проблемы, как правило, не встречалось, но возникали сложности иного порядка – низкое качество отделки помещений центров отдыха. Например, это было характерно для Всесоюзного Дома композиторов в 1965 г. Оказалось, что для исполнения современной симфонической музыки «по акустическим данным возможности звучания симфонического оркестра в этом зале весьма ограничены». Поэтому, если динамические оттенки или плотность инструментовки превышали средний уровень, то слушать музыкальное произведение становилось очень трудно.